...альная. По абон. не выдается

ПИСЬМА В. ФРЕЯ

КЪ

Л. Н. ТОЛСТОМУ

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
3, Rue des Alpes, 3
1887

29

294
33.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Редакція „Общаго Дѣла“ предложила мнѣ свои услуги и готовность напечатать мои письма къ Л. Н. Толстому.

Подобное предложеніе, исходя отъ людей завѣдомо считающихся соціалистами *) и незнающихъ меня лично, въ высшей степени пріятно мнѣ, не какъ автору разумѣется, а какъ человѣку любящему Россію. Предложеніе это доказываетъ, что свобода прессы и терпимость мнѣній еще не умерла въ нашемъ обществѣ, что еще есть органъ свободной русской печати, который борется противъ нетерпимости и деспотизма не тѣмъ, что видитъ спицу въ глазѣ своего брата, не замѣчая бревна въ своемъ собственномъ; не тѣмъ чтобы говорить о свободѣ мнѣній и въ то же время съ ненавистію и презрѣніемъ относиться ко всѣмъ несогласнымъ съ нимъ, а тѣмъ что онъ на дѣлѣ доказываетъ свою способность относиться съ уваженіемъ къ мнѣніямъ человѣка, не торгующаго своею совѣстію и не ругающаго своихъ противниковъ.

Фактъ появленія моихъ писемъ на столбцахъ „Общаго Дѣла“ не долженъ вводить читателей въ заблужденіе, будто между мною и редакціей „Общ. Дѣла“ существуетъ солидарность въ убѣжденіяхъ и въ средствахъ для достиженія одной и той же цѣли. Не нужно ни личнаго знакомства, ни даже переписки, чтобы знать напередъ, что между

*) По малому своему знакомству съ «Общимъ Дѣломъ», авторъ принимаетъ его за соціалистическій органъ, подобно тому какъ иностранная пресса за органъ анархистовъ или террористовъ. Такъ какъ «Об. Дѣл.» никогда не уклонялось отъ своей первоначальной программы, то и опровергать это недоразумѣніе было бы совершенно излишнимъ. *Отъ Ред.*

нами есть и вѣроятно на долгое время будутъ существовать серьезныя разногласія по многимъ вопросамъ жизни.

Но если есть люди симпатизирующіе мнѣніямъ редакціи и группирующіеся вокругъ ея знамени, то вѣроятно есть не малое число людей, которые будутъ пробуждены религіей человѣчества и, — сознавши необходимость бороться противъ зла съ помощію любви, терпимости, развитія въ себѣ гражданскихъ доблестей и посильнаго улучшенія жизни ихъ окружающей—пожелаютъ работать сообща подъ знаменемъ поднятымъ Огюстомъ Контомъ. Редакція „Общаго. Дѣла“, предпринимая печатаніе моихъ писемъ отнюдь не ослабляетъ этимъ число своихъ приверженцевъ, а только будетъ содѣйствовать образованію еще новой силы, направленной на замѣну существующаго порядка вещей новыми лучшими формами.

Въ этомъ то желаніи скорѣйшаго осуществленія нашей общей цѣли, да еще въ томъ убѣжденіи, что при современномъ состояніи соціологіи и этики люди еще не могутъ достигать этой цѣли однимъ путемъ, а должны пользоваться различными методами—въ этомъ, какъ кажется, заключается наше единственно-связующее звено. Но оно много величественнѣе и животворнѣе, чѣмъ тѣ метафизическіе привычные клики, которые не исключаютъ, а только усиливаютъ братоубійственную борьбу между людьми—изъ за мнѣній.

Для тѣхъ, кто незнакомъ со всѣми обстоятельствами появленія моихъ писемъ къ Л. Н. Толстому, не мѣшаетъ прибавить нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Еще въ Америкѣ, извлекая изъ этой соціальной лабораторіи въ теченіи 17 лѣтъ добровольной ссылки все, что

могло вмѣститься въ мою душу, — я успѣлъ освѣтить и усилить религіей человѣчества мои лучшія симпатіи и стремленія. Я имѣлъ случай видѣть громадное нравственное вліяніе этой Религіи на многихъ русскихъ, проживающихъ въ Америкѣ. И чѣмъ болѣе выяснялась въ моихъ глазахъ готовность русскихъ принять новую религію и нравственность въ руководство своей жизни, тѣмъ мучительнѣе становилось при мысли, что такъ много энергіи и жизни тратится порою почти безплодно въ борьбѣ съ правительствомъ, въ то время когда самоотверженіе и альтруизмъ борющихся такъ необходимы для другой борьбы, (болѣе дѣйствительной, по моему) гдѣ надо бороться противъ зла не его орудіями, но гдѣ надо противопоставлять этимъ орудіямъ смѣлую и непоколебимую рѣшимость посильно служить человѣчеству, несмотря ни на какія послѣдствія, ни на чьи предписанія. Разумѣется я никогда не расчитывалъ переубѣждать людей, всецѣло и беззавѣтно кинувшихся въ революціонное движеніе; но я зналъ по опыту, что многіе стоятъ въ рядахъ ихъ только потому, что не знаютъ другого лучшаго пути для осуществленія своего идеала. И вотъ, чтобы облегчить такимъ людямъ выходъ изъ разъѣдающей ихъ тоски и раздвоенія, я рѣшился оставить Америку, побывать въ Россіи, если возможно, и во всякомъ случаѣ поселиться гдѣ нибудь поближе къ Россіи, чтобы быть ближе къ несчастнымъ соотечественникамъ.

Лѣтомъ прошлаго года я поѣхалъ въ Россію и тамъ только впервые узналъ о дѣятельности Л. Н. Толстого, о его громадномъ вліяніи на живую часть русскаго общества, о его рукописяхъ, распространяющихся въ тысячахъ экземпляровъ въ Россіи. До того времени я не зналъ ничего. Изъ трактатовъ Л. Н. Толстого я могъ только смутно дога-

дываться о его міросозерцаніи, но игнорировать такой силой я не могъ ни въ какомъ случаѣ. Я написалъ ему а) исповѣданіе моей религіи, чтобы уже оттуда вывести б) мой критицизмъ его ученія. Письмо мое, вопреки моимъ ожиданіямъ, стало быстро распространяться въ публикѣ, и Л. Н. Толстой, немедленно по полученіи его, просилъ меня пріѣхать къ нему. Я провелъ съ нимъ въ Ясной Полянѣ около двухъ недѣль (октябрь 1885), т. е. достаточно времени чтобы лучше понять и полюбить другъ друга. Я увидѣлъ, что онъ переросъ теологическую степень развитія и что по очень многимъ вопросамъ онъ очень близокъ къ позитивизму; а такъ какъ, въ своемъ письмѣ, я представлялъ его какимъ-то загадочнымъ непонятнымъ человѣкомъ, то на меня же падала обязанность объявить всѣмъ заинтересованнымъ начавшейся полемикой, какимъ показался мнѣ Л. Н. послѣ личнаго знакомства.

Отчетъ о нашемъ свиданіи былъ прежде всего посланъ на прочтеніе Л. Н. съ просьбой сдѣлать всѣ поправки и замѣчанія, которыя онъ сочтетъ нужными. Отчетъ этотъ былъ возвращенъ мнѣ безо всякихъ поправокъ и впослѣдствіи, на мой вторичный запросъ о его мнѣніи объ немъ, онъ просилъ передать мнѣ, „что онъ это дополненіе прекрасно помнитъ, что вездѣ гдѣ его цитируютъ, цитаты вполнѣ ему симпатичны, что онъ нетолько никогда не отречется отъ нихъ, но напротивъ радъ имъ и дороги онѣ ему *).

Но я долженъ сознаться, что отчетъ этотъ нѣсколько грѣшитъ слишкомъ большими надеждами на возможность духовнаго объединенія. Черезъ $2^1/_2$ мѣсяца послѣ перваго свиданія я снова видѣлся съ Л. Н. въ Москвѣ и тогда

*) Изъ письма многоуважаемой личности, передававшей Толстому мой запросъ.

яснѣе увидалъ, что, несмотря на нашу взаимную любовь и уваженіе другъ къ другу, между нами существуетъ какая-то несоизмѣримость, что есть вопросы, по которымъ и мы перестаемъ понимать другъ друга.

Будь Л. Н. рядовымъ дѣятелемъ, я разумѣется отошелъ бы отъ него, глубоко благодарный и за то, что онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ въ дѣлѣ нравственнаго возрожденія общества. Но я видѣлъ въ немъ могучаго учителя, каждое слово котораго выслушивается тысячами людей, только что начинающихъ формироваться, и справедливость къ нимъ требовала, чтобы рядомъ съ ученіемъ Толстого было ясно и законченно поставлено другое міросозерцаніе, быть можетъ болѣе гармонирующее душевному складу иныхъ. Для этого мнѣ надо было полнѣе развить религіозный характеръ позитивизма; такъ какъ и Л. Н. и сотни другихъ, читавшихъ мое первое письмо къ нему, оставались подъ впечатлѣніемъ, что позитивизмъ есть болѣе или менѣе блистательно построенная философія — интеллектуальная игрушка, которою можно поиграть и бросить—и на которую поэтому Л. Н. и посмотрѣлъ съ самаго начала съ какимъ-то недовѣріемъ, пожалуй презрѣніемъ. Кромѣ того мнѣ нужно было вызвать у Л. Н. категорическіе отвѣты на мои существенныя тэзисы, чтобы я не по догадкѣ только, а фактически зналъ бы, что всякая дальнѣйшая полемика между нами будетъ совершенно безполезною. Подъ вліяніемъ этихъ соображеній я написалъ другое большое письмо къ Толстому, которое было передано ему уже послѣ моего выѣзда изъ Россіи.

Затѣмъ, воздерживаясь отъ публикаціи писемъ, полныхъ сочувствія къ Религіи человѣчества, я сдѣлалъ уже здѣсь, въ Лондонѣ, систематическій обзоръ всѣхъ возраженій, которыя мнѣ приходилось выслушивать или читать во время

моей бытности въ Россіи и здѣсь. Само собою разумѣется, что отвѣтъ Л. Н. играетъ немаловажную роль въ этомъ обзорѣ; и хотя я вовсе не желаю вести личной полемики съ Л. Н., я долженъ былъ, поневолѣ, подробно разобрать его отвѣтъ, такъ какъ въ немъ лучше чѣмъ гдѣ бы то ни было выражается мысль, такъ часто высказываемая мнѣ людьми наиболѣе уважаемыми мною.

Я не знаю, захочетъ ли редакція „Общаго Дѣла“ напечатать оба мои письма вмѣстѣ съ обзоромъ возраженій противъ Религ. человѣчества. (Отчетъ о свиданіи съ Толстымъ неваженъ). Но если, подъ давленіемъ чисто матеріальныхъ соображеній, не будутъ напечатаны всѣ три статьи (составляющія въ сущности одно цѣлое) и если, поэтому, въ умѣ читателя будутъ возникать сомнѣнія, неясности и желанія разъяснить ихъ; то я буду крайне радъ, если всѣ запросы и возраженія будутъ обращены прямо ко мнѣ по слѣдующему адресу: William Frey, 35, Northampton Road E. C. London. England.

Левъ Николаевичъ!

Съ замираніемъ сердца, доходящимъ до головокруженія, я вчитывался въ вашу „Исповѣдь“, первую книгу, которую я читалъ въ Россіи, послѣ 17-лѣтней разлуки съ родиной. Я видѣлъ въ вашихъ словахъ наиболѣе рельефное проявленіе той могучей потребности въ духовной пищѣ, которая должна была наконецъ проявиться въ нашемъ обществѣ, и которая не можетъ быть заглушена ни сатурналіями разврата, ни бѣшеной погоней за почестями, богатствомъ. Я тогда же написалъ вамъ большое письмо; но когда прочиталъ „Въ чемъ моя вѣра“ и увидалъ, что вы благополучно миновали подводный камень (мистицизмъ), о который разбилось столько сильныхъ русскихъ людей, я уничтожилъ свое письмо, даже отказался отъ всякой переписки съ вами; но болѣе трезвое и спокойное отношеніе къ дѣлу снова заставило меня приняться за перо.

Вы лучше поймете состояніе моего духа, когда узнаете, что я тоже принадлежалъ къ числу людей, ищущихъ разрѣшенія вопросовъ жизни; что я еще 27-ми лѣтъ (въ 1866 году) пришелъ къ тому же заключенію, которое душило и васъ кошмаромъ въ теченіе долгаго времени, а именно, что жизнь есть безсмыслица, и что самоубійство — лучшій исходъ изъ нея. Къ счастію, мы оба, повинуясь высшимъ инстинктамъ, не убили себя, и продолжали искать иного исхода.

Разница между нами заключалась въ томъ, что вы, какъ глубокій психологъ, рѣшали вопросъ съ чисто-личной точки зрѣнія. „Что нужно для моего счастія“?—спрашивали вы; а я, только что вышедшій изъ рядовъ соціалистовъ, рѣшалъ вопросъ: какимъ путемъ возможно осуществленіе наилучшей жизни для массы страждущихъ и угнетенныхъ? Вы, работая въ психическихъ сферахъ, могли оставаться въ Россіи; за то, оставаясь какъ бы въ глухой тюрьмѣ, вы не могли познакомиться со многими фазисами подобной же работы въ Европѣ, и, несмотря на гигантскія усплія своего духа, остановились на очищенномъ. возобновленномъ христіанствѣ. Я же, понявши невозможность разрѣшить поставленный себѣ вопросъ въ Россіи, бросилъ свое общественное положеніе, карьеру, друзей, родныхъ, и поѣхалъ въ 1868 г. въ Америку, чтобы самому пройти всѣ степени тяжелаго, чернаго труда. Быть можетъ я повредилъ себѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, отрываясь отъ родины; за то я очутился въ великой соціальной лабораторіи всѣхъ идей и стремленій, волнующихъ современный міръ; я имѣлъ случай критически отнестись ко всевозможнымъ проявленіямъ человѣческаго духа въ этомъ направленіи, и, несмотря на свое относительное ничтожество, имѣлъ болѣе матерьяловъ для разрѣшенія своихъ сомнѣній. Черезъ девять, десять лѣтъ и я нашелъ свой спасительный якорь въ ученіи Огюста Конта.

Работая въ различной обстановкѣ и становясь повидимому подъ различныя знамена, мы имѣемъ много общаго. Мы оба пришли къ тому убѣжденію, что Религія есть единственный ключъ для рѣшенія вопросовъ жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и общества; мы оба пришли къ ученію альтруизма, и нашли рѣшеніе нашихъ сомнѣній въ жизни другихъ, не нуждаясь ни въ легендарныхъ погре-

мушкахъ, ни въ приманкѣ вѣчной жизни. Даже въ мелкихъ деталяхъ этики мы имѣемъ много общаго; поэтому мы можемъ понять другъ друга.

Вопреки увѣреніямъ пессимистовъ и революціонеровъ, представляющихъ Россію не то домомъ разврата, не то могилой, душащей все живое, я ѣхалъ сюда съ глубокою вѣрою, что и здѣсь должны быть люди, отшатнувшіеся отъ поклоненія мамонѣ и жаждущіе рѣшенія вопросовъ духа. Потому вы легко можете представить то изумленіе, радость и глубокій интересъ, съ которымъ я читалъ ваши: „Исповѣдь“ и „Въ чемъ моя вѣра“. Вы поймете также, почему я желаю свидѣться съ вами. Исходя изъ различныхъ положеній, мы такъ близко подошли другъ къ другу, что должны не только понять, но и помочь одинъ другому. Я увѣренъ, что встрѣча съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, оставитъ глубокіе слѣды въ моей жизни; съ другой стороны, предполагая, не безъ основанія, что вы мало знакомы съ религіознымъ позитивизмомъ, я надѣюсь, что, можетъ быть, и вы выслушаете мое мнѣніе не безъ пользы для себя. Во всякомъ случаѣ, это мнѣніе отличается отъ тѣхъ, которыми засыпаютъ васъ либералы съ одной стороны и поборники православія—съ другой.

Простите меня, Левъ Николаевичъ, за навязчивость. Не подумайте, что вы имѣете дѣло съ заносчивымъ, самонадѣяннымъ человѣкомъ, который кичится кой-какими пріобрѣтеніями своей жизни и торопится учить другихъ. Если вы познакомитесь со мной, вы увидите, что я гораздо скромнѣе своихъ словъ. Сильная работа надъ самимъ собой и глубокое сознаніе своихъ собственныхъ недостатковъ, боюсь, сдѣлали меня скорѣе робкимъ при встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ. Я потерялъ всякую способность учить другихъ словами; я могу вліять только силою

личнаго примѣра, да и то на людей долго и близко знакомыхъ со мной. Тѣмъ не менѣе, когда я увидалъ въ васъ брата по духу и стремленіямъ, когда я услыхалъ въ вашихъ словахъ стоны тысячъ людей, ищущихъ (подобно намъ) новаго исхода въ жизни, во мнѣ пропала робость. Будь что будетъ, — сказалъ я себѣ, но я долженъ высказаться и, если возможно, свидѣться съ вами.

Не оскорбляйтесь же тѣмъ, что я насильно врываюсь въ вашу душу; выслушайте все, что я выскажу вамъ, выслушайте съ такою же любовью и терпимостью, съ какими я обращаюсь къ вамъ.

I.

Прежде всего я долженъ объяснить свои религіозныя воззрѣнія и вывести изъ нихъ главнѣйшія правила жизни; тогда вы лучше увидите въ чемъ я схожусь съ вами, и въ чемъ рознюсь. Начну съ разъясненія существенныхъ основъ Религіи человѣчества.

Согласимся прежде всего, что религіозное чувство вообще вызывается тѣми сознаніями ничтожества, одиночества и безпомощности, которыя съ незапамятныхъ временъ существовали и росли въ душѣ человѣка, и постоянно побуждаютъ его опираться на что нибудь сильнѣе, могучѣе его. Чувство это, крайне интенсивное въ прошломъ, и теперь не только не ослабѣваетъ, но, вопреки увѣреніямъ многихъ, становится все сильнѣе, такъ какъ съ развитіемъ науки мы все болѣе поражаемся мощью природы въ сравненіи съ нами, ничтожными пылинками міровданія.

Подъ религіей (не совсѣмъ вѣрно называемой вами вѣрою) мы будемъ понимать всякое міросозерцаніе, выработанное усиліями человѣческаго ума и воображенія, чтобы

удовлетворить религіозное чувство людей. Религіозныя системы мѣняются, поэтому, въ соотвѣтствіи съ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ людей; тѣмъ не менѣе, въ каждой изъ нихъ мы видимъ:

1) Признаніе безконечно-могучей силы, сначала въ видѣ непосредственныхъ предметовъ природы, затѣмъ въ видѣ многихъ боговъ или одного Бога.

2) Необходимость повиноваться ея законамъ, излагаемымъ въ преданіяхъ, откровеніяхъ и священныхъ книгахъ и

3) Облеченіе боговъ или Бога въ конкретныя формы, обладающія человѣческими атрибутами.

Этому послѣднему, такъ сказать человѣческому элементу слѣдуетъ по преимуществу приписать сильное и облагораживающее вліяніе религіозныхъ представленій. Вмѣсто слѣпого повиновенія высшей силѣ, изъ-за рабскаго чувства страха, люди научились мало по малу двигаться чувствомъ благодарности и любви къ Богу, облеченному въ конкретный и симпатическій для нихъ обликъ. Подъ вліяніемъ этого элемента, они могли легче подчинять свои желанія высшей волѣ и разуму, лучше выполнять работу самоусовершенствованія. Всякая религіозная система, поэтому, должна включать въ себѣ и элементъ божественный (признаніе безконечной силы) и элементъ человѣческій (потребность симпатическихъ вліяній). Всякое ученіе о Богѣ, лишенное человѣческаго элемента, теряетъ свое обаяніе на людей, перестаетъ быть религіей.

Чтобы лучше выяснить послѣдовательность въ измѣненіи религіозныхъ системъ, намѣтимъ, хотя въ немногихъ словахъ, типическія черты религій единобожія.

Начнемъ съ ветхозавѣтнаго Бога. Онъ постоянно является людямъ въ ослзательныхъ формахъ. Онъ разгова-

риваетъ съ людьми, дѣлится съ ними своими радостями и горестями, совѣтуется съ ними, даже борется. За исключеніемъ ореола единовластія, онъ, по своей фамильярной близости съ людьми, ничѣмъ почти не отличается отъ миѳологическихъ боговъ Греціи. Онъ конкретно изображаетъ собою европейскій типъ того времени, и религіозное чувство евреевъ почти всецѣло сосредоточивается на поклоненіи Богу на столько же сильному по своимъ возможностямъ, на сколько близкому имъ по понятіямъ и качествамъ. Посредники между такимъ Богомъ и людьми почти не нужны. Поэтому еврейскіе пророки являются лишь второстепеннымъ придаткомъ ихъ религіи.

Богъ новаго завѣта уже не является на землѣ, хотя, по временамъ, и слышится его голосъ съ неба. Онъ остается по прежнему отцемъ и руководителемъ людей, но чтобы учить и спасти ихъ онъ посылаетъ на землю своего сына, — и всѣ симпатическія чувства вѣрующихъ переходятъ отъ незримаго Бога къ его посреднику, облеченному въ человѣческія формы и одаренному человѣческими свойствами.

Богъ мусульманъ еще болѣе недосягаемъ. Магометъ уже не называетъ себя сыномъ Божіимъ; даже законы Бога получены имъ отъ архангела Гавріила, такъ какъ онъ не можетъ ни приблизиться къ Богу, ни лицезрѣть его. Такимъ образомъ Богъ Ислама еще болѣе отходитъ въ область непостижимой тайны, а его посредникъ, не прикрываясь божественнымъ происхожденіемъ, еще болѣе становится человѣкомъ. Несмотря на то, религіозное чувство мусульманъ оставляя на долю Бога только страхъ и повиновеніе, вполнѣ удовлетворяется человѣческими совершенствами посредника. Личность Магомета окружена легендарными разсказами его восторженныхъ поклонниковъ. На-

родъ считаетъ его безсмертнымъ и не хочетъ вѣрить его смерти. „Магометъ умеръ“ —объявляетъ бушующей толпѣ его намѣстникъ,— „но *Богъ Магомета* живъ. Ему повинуйтесь“! Словами этими безсознательно выраженъ характеръ мусульманской религіи: Богъ становится производнымъ понятіемъ отъ Магомета и отходитъ на второй планъ; личность же посредника служитъ центромъ тяготѣнія для всѣхъ вѣрующихъ.

Наконецъ, Богъ средневѣковыхъ и современныхъ намъ евреевъ совершенно теряетъ конкретныя формы. „Всякая попытка представить себѣ Бога есть прегрѣшеніе“ —говорятъ талмудисты. Богъ становится абстрактною идеею, а пророки, когда-то бесѣдовавшіе съ нимъ, дѣлаются немыслимыми. И вотъ, религіозное чувство, не удовлетворяясь абстракціями, создаетъ конкретный образъ коллективнаго Израиля, какъ хранителя Божьей мудрости и еврейскихъ преданій, какъ представителя всѣхъ атрибутовъ еврейской расы. Служить Израилю, оберегать его отъ постороннихъ вліяній становится главнымъ побужденіемъ евреевъ. Религіозная преданность Израилю даетъ имъ силу не только переносить гоненія, но и сплотиться въ одно духовное братство, несмотря на ихъ разбросанность по лицу земли. Живъ *Богъ Израиля!* — восклицаетъ еврей въ религіозномъ восторгѣ, и подобно магометанину, считаетъ абстрактнаго Бога производнымъ понятіемъ отъ его посредника— Израиля.

И такъ, мы видимъ, что эволюція религіозныхъ представленій происходитъ по слѣдующимъ законамъ:

а) Идея Бога постепенно уступаетъ напору накопляющихся знаній и критической способности человѣка, и все болѣе и болѣе отходитъ въ область Непостижимаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, происходитъ разрывъ между идеею о безко-

нечномъ и человѣческимъ элементомъ религіи, которые вначалѣ были неразрывно связаны въ представленіи о Богѣ. Богъ, все болѣе лишаясь человѣческихъ атрибутовъ, по преимуществу удовлетворяетъ нашему чувству безконечнаго; тогда какъ религіозная потребность симпатическихъ вліяній все болѣе переходитъ къ личностямъ великихъ учителей и посредниковъ между Богомъ и людьми.

b) По мѣрѣ того какъ въ сознаніи людей уменьшается патріархальная близость къ Богу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тускнѣютъ и пропадаютъ его человѣческіе атрибуты, — усиливается религіозное значеніе и нравственное обаяніе посредниковъ и толкователей Божьихъ велѣній. Религіозное чувство болѣе не согрѣвается туманными образами Бога и, по мѣрѣ исчезновенія этого образа, все сильнѣе привязывается къ могучимъ личностямъ посредниковъ, которые симпатически вліяютъ на людей своими совершенствами.

c) Смотря по степени умственнаго и нравственнаго развитія извѣстнаго времени, посредники эти или считаются сынами Божьими (Кришна, Христосъ), или окружены легендарными разсказами; но, и это весьма важный выводъ для насъ, *религіозное чувство вовсе не ослабляется оттого, что Богъ теряетъ человѣческій образъ, а посредники позднѣйшихъ религій теряютъ свой божескій характеръ.*

Не мѣшаетъ прибавить, что великое значеніе человѣческаго (симпатическаго) элемента религіи выясняется съ особенною рельефностью въ томъ многозначительномъ фактѣ, что характеръ, даже названіе, почти каждой религіи опредѣляется не идеей Бога (она одинакова во всѣхъ религіяхъ единобожія), а характеромъ и именемъ посредника

и учителя (Будда у буддистовъ; Христосъ у христіанъ; Магометъ у магометанъ; Израиль у израильтянъ).

Разумѣется, если переходъ отъ одного міросозерцанія къ другому не можетъ совершаться легко и скоро у отдѣльныхъ личностей, то въ обществѣ переходъ отъ одной религіозной системы къ другой тянется иногда столѣтія и сопровождается мучительными симптомами. Мы переживаемъ теперь время, когда передовая часть человѣчества не можетъ болѣе удовлетворяться легендами и фантазіями прежнихъ монотеистическихъ религій. Онѣ были подвергнуты критикѣ чистаго разума и рухнули безповоротно; онѣ могутъ еще удовлетворять міросозерцаніе лицъ, находящихся на теологической степени развитія, но онѣ уже отвергнуты истинно-образованною частью общества. Для европейской цивилизаціи наступило время подобное тому, которое переживалось Римскою имперіею въ послѣдніе вѣка ея существованія. Люди, отрѣшившись отъ старыхъ религіозныхъ формъ, не создаютъ еще новыхъ, и вмѣсто того чтобы, въ силу умственнаго превосходства, быть во главѣ прогресса, все болѣе падаютъ нравственно, все глубже погрязаютъ въ болотахъ индивидуализма (т. е. служенія личному *я*). Погоня за личнымъ счастіемъ, богатствомъ, почетомъ такъ ослѣпила ихъ, что они не видятъ пропасти, къ которой стремятся. Даже страшные признаки общественнаго разложенія — всеобщее недовольство, нищета массъ, безпрерывно возрастающая цыфра сумасшествій и самоубійствъ — даже такіе факты кажутся имъ какъ бы результатомъ дурныхъ правительственныхъ формъ. Многіе изъ индивидуалистовъ, чтобы какъ нибудь удовлетворить высшимъ стремленіямъ, къ счастію никогда не исчезающимъ совершенно, со всею злобою узкаго фанатизма накидываются на правительства, обвиняютъ ихъ, требуютъ

перемѣны политическихъ и экономическихъ формъ; но они не видятъ, что причина зла заключается не въ формахъ жизни, а въ нихъ самихъ, въ нравственной негодности людей, составляющихъ общество. Да, мы переживаемъ страшное время. Утѣшаться нужно только тѣмъ, что періоды нравственной неустойчивости не могутъ продолжаться долго. Даже въ современномъ Бедламѣ можно видѣть лучи восходящаго спасенія.

Та самая наука, которая разбила прежнія религіозныя формы, вырабатываетъ понемногу всѣ элементы религіи будущаго.

Г. Спенсеръ блистательно доказываетъ существованіе Первой Причины, Предвѣчной Тайны или Безконечной Силы, которою все создано, все держится, которая навсегда должна оставаться непостижимою для насъ, конечныхъ органическихъ существъ, но законы которой, постепенно открываемые наукой, должны исполняться безусловно. (См. „Основныя Начала“ Герберта Спенсера, отдѣлъ о Непостижимомъ). Но подобныя положенія еще не могутъ вполнѣ удовлетворять религіозное чувство человѣка. Одно созерцаніе безконечнаго Бытія, внѣ формъ и времени, не можетъ спасти людей. Могучая Тайна болѣе не унижается человѣческими атрибутами, но вмѣстѣ съ тѣмъ она теряетъ всю прелесть прежнихъ религіозныхъ представленій о Богѣ, какъ объ отцѣ людей. Она представляется въ видѣ чего-то холоднаго, безжалостно-карающаго всѣхъ нарушителей законовъ, не взирая на то, извѣстны ли людямъ эти законы или нѣтъ, могутъ ли они быть выполнены или нѣтъ. Отношеніе всего существующаго къ этой Безконечной Силѣ выражается одинаковымъ для всѣхъ ничтожествомъ. Чтобы ни было поставлено на мѣсто числителя въ дроби, выражающей это отношеніе, знаменатель дроби всегда безко-

нечность, и дробь поэтому всегда равна нулю. Человѣкъ ли, камень ли,—все стоитъ въ одинаковыхъ условіяхъ къ этой силѣ. Нравственность, какъ рядъ правилъ, вытекающихъ изъ сознанія близкой связи между людьми, теряетъ свой смыслъ, такъ какъ всякій, глядя на Природу, можетъ возвести борьбу за существованіе въ основной принципъ междучеловѣческихъ и международныхъ отношеній. „Каждый за себя, и пусть чортъ беретъ послѣдняго“! — кричатъ открыто въ Америкѣ (а думаютъ вездѣ) поклонники золотаго тельца. „Каждый долженъ отстаивать себя въ борьбѣ за существованіе“ — говорятъ то же самое, но другими словами, созерцатели Безконечнаго. Самый отчаянный эгоистъ и негодяй можетъ подписаться подъ ученіемъ Спенсера, и находитъ въ законахъ природы оправданіе самыхъ гнусныхъ поступковъ. А наука, съ ея противорѣчіями и неопредѣленностями въ сферѣ біологіи, соціологіи и нравственности, не можетъ еще служить руководствомъ для людей въ самыхъ обыденныхъ вопросахъ жизни. Потому, повторяю, одно сознаніе Безконечной Силы, лишенной человѣческихъ атрибутовъ, не можетъ ни облагородить человѣка, ни удовлетворить его религіозное чувство.

Но къ счастію, еще ранѣе чѣмъ трудами Спенсера, выработался безконечный элементъ религіи, трудами Конта прочно установился человѣческій, симпатическій ея элементъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Огюстъ Контъ доказалъ въ своей Позитивной Философіи существованіе высшаго органическаго существа, въ которомъ мы, отдѣльные индивидумы, не болѣе какъ преходящіе атомы. Это высшее изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ существъ было названо имъ человѣчествомъ. Благодаря этому открытію, Контъ блистательно объяснилъ исторію, положилъ начало

соціологіи и, пока не выходилъ изъ интеллектуальной сферы, приводилъ въ восхищеніе лучшихъ мыслителей нашего вѣка. Теперь понятіе объ общественномъ организмѣ такъ крѣпко установилось, что даже противники Конта приводятъ самыя вѣскія доказательства въ подтвержденіе его открытія (см. краткую статью Спенсера „Общественный организмъ“, или его подробныя доказательства во второмъ томѣ „Основы соціологіи“). Но люди не могли остановиться на однихъ біологическихъ и историческихъ свойствахъ человѣчества. Повинуясь естественному импульсу, общему при встрѣчѣ со всякимъ новымъ существомъ, они должны были перейти отъ внѣшнихъ свойствъ къ оцѣнкѣ духовной стороны человѣчества. Тогда они увидали въ немъ существо, стоящее неизмѣримо выше самыхъ геніальныхъ индивидумовъ, потому что оно, это существо, обладаетъ коллективнымъ пониманіемъ всѣхъ людей и сохраняетъ въ себѣ весь гигантскій опытъ, накопленный жизнью милліардовъ и милліардовъ людей. Они увидали, что въ человѣчествѣ сохраняется и ростетъ все прекрасное, великое, доброе и истинное, когда либо выработанное въ прошломъ. Въ немъ органически соединяется Прошлое съ Будущимъ. Внѣ его немыслимы какъ физическое существованіе отдѣльнаго человѣка, такъ и духовное его развитіе. Человѣчество есть нашъ учитель, покровитель и спаситель. Оно есть то симпатическое существо, которое мы тщетно искали въ природѣ именно потому, что оно оберегаетъ насъ отъ погибели и даетъ намъ всѣ средства для улучшенія нашей жизни. Взамѣнъ борьбы за существованіе, оно вноситъ ученіе о нравственныхъ обязательствахъ къ ближнему *). Только черезъ человѣчество по-

*) Продолжая прежнее математическое сравненіе, мы можемъ сказать, что въ дроби, выражающей отношеніе человѣка къ Человѣчеству, знаме-

знается ясно, что всѣ мы спаяны въ одно живое цѣлое, и что зло, нанесенное одному изъ атомовъ, вредно для всей организаціи Человѣчества и, слѣдовательно, вредно тому лицу, которое наноситъ зло. Всѣ эти, привычныя для нашего уха истины вліяютъ на наше сердце съ новою неотразимою силою потому, что являются теперь не въ формѣ бездоказательныхъ сантиментальностей, не въ видѣ тѣхъ легендарныхъ ученій и откровеній отъ Бога, которымъ перестали вѣрить, но какъ логически-неотразимый и всякому понятный выводъ изъ факта, что Человѣчество есть живой организмъ.

Философія XIX вѣка вырабатываетъ такимъ образомъ всѣ элементы религіи. Она указываетъ и на существованіе Предвѣчной Силы, и на необходимость повиноваться ея законамъ, и на существованіе Посредника, стоящаго между Природой и отдѣльными людьми. Она удовлетворяетъ и нашему чувству безконечнаго, и нашей потребности привязаться къ сильному существу, одаренному человѣческими атрибутами. Подобно тому какъ камертонъ, настроенный на извѣстный ладъ, своими вибраціями заставляетъ дрожать струны, одинаково съ нимъ настроенныя, такъ точно и Позитивная Философія, настроенная на тему всѣхъ религіозныхъ ученій, способна привести въ дрожаніе спящее въ людяхъ религіозное чувство, почему по праву и становится Позитивною Религіею. Въ ней нѣтъ ничего дѣланнаго или сочиненнаго досужимъ умомъ. Она, роковымъ образомъ, является какъ послѣднее слово въ эволюціи религіи. Нашъ Богъ погружается окончательно въ непроницаемую Тайну; нашъ учитель и спаситель окончательно отказывается отъ

натель, несмотря на свою громадность, уже не безконечно-великое представленіе, и слѣдовательно сама дробь не будетъ равна нулю и, что всего важнѣе, мѣняется отъ постановки въ числитель камня вмѣсто человѣка.

всякихъ сношеній съ Богомъ и очаровываетъ насъ только своими человѣческими совершенствами. Наша религія, по примѣру своихъ предшественницъ, называется, по имени своего посредника, Религіею Человѣчества.

Если милліоны людей могутъ чтить Моисея, благоговѣть передъ Христомъ, преклоняться передъ Магометомъ или Буддой и, въ лицезрѣніи этихъ великихъ, но окруженныхъ легендарными разсказами людей, находить силу для выполненія законовъ нравственности, то мы, люди XIX вѣка, можемъ безъ стыда и боязни, преклониться передъ Человѣчествомъ, которое, не нуждаясь въ прикрасахъ, соединяетъ въ себѣ мудрость Моисея и чистоту души Христа, геній Магомета и религіозный энтузіазмъ Будды. Служеніе Человѣчеству является потому необходимостью не только въ силу біологическаго закона, что часть должна служить цѣлому, но и въ силу благодарности и любви къ Прекрасному Существу, которое указываетъ намъ на смыслъ и цѣль нашей жизни, даетъ намъ силы для выполненія нашихъ обязанностей, становится руководителемъ въ вопросахъ неразъясненныхъ еще наукой. Человѣчество занимаетъ въ нашемъ сердцѣ мѣсто, оставшееся вакантнымъ послѣ изгнанія богоподобныхъ людей и человѣкоподобныхъ боговъ, и мы смѣло можемъ отдаться этому конкретному, невымышленному существу, зная, что оно, не обладая откровеніемъ, опирается только на свой коллективный опытъ и умъ и никогда не поведетъ къ разладу между чувствомъ и умомъ.

Когда Огюстъ Контъ, пораженный величіемъ новаго открытія, почувствовалъ въ себѣ самомъ всю силу пробужденнаго религіознаго чувства и началъ выводить въ „Позитивной политикѣ“ нравственныя обязательства, вытекающія изъ научнаго представленія о Человѣчествѣ, — раз-

нузданный міръ индивидуалистовъ отшатнулся отъ него и, пользуясь кратковременною мозговою болѣзнью въ его ранней молодости, назвалъ его сумасшедшимъ. Отшатнулись отъ него и тѣ ученики, которые, подобно Литре и Вырубову, шли за нимъ до полъ-дороги. Эти половинчатые ученики продолжая называть себя позитивистами, ограничиваются витаніями въ области наукъ и отвлеченностей; становятся оппортунистами и постепеновцами въ политикѣ, и только вводятъ въ заблужденіе людей, по нимъ судящихъ о достоинствахъ ученія Конта. Истинный позитивизмъ, на сколько этотъ терминъ предложенъ и объясненъ Контомъ, есть позитивизмъ религіозный, охватывающій собой всѣ стороны жизни, реформирующій не только умъ человѣка, но и его нравственность. Вотъ почему я, выдвинутый силою обстоятельствъ въ первые ряды русскихъ позитивистовъ, долженъ, по необходимости, нѣсколько подробнѣе разъяснить научныя основы и происхожденіе Религіи Человѣчества, такъ какъ эта сторона ученія Конта стыдливо прячется его половинчатыми послѣдователями, сильно искажается его притивниками и совершенно неизвѣстна на нашей родинѣ.

Приступая къ изложенію главныхъ правилъ нравственности, вытекающихъ изъ научнаго представленія о Человѣчествѣ, я приму въ основаніе формулу, въ которой Контъ сконцентрировалъ все ученіе Позитивизма и которая благоговѣйно произносится всякимъ позитивистомъ въ началѣ всякаго торжественнаго дѣла, будетъ ли оно публичною лекціей въ присутствіи нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ или молитвою въ уединенной комнатѣ *.

*) Подъ молитвой позитивистъ не можетъ понимать просьбу, а тѣ усилія духа, когда онъ сосредоточивается на Человѣчествѣ, какъ на Высшемъ Существѣ, обладающемъ человѣческими атрибутами, поднимаетъ себя выше преходящихъ и личныхъ горестей и, путемъ чисто симпатическихъ

Вотъ эта формула: Во имя Человѣчества — Любовь нашъ принципъ; Порядокъ — основаніе, а Прогрессъ — цѣль нашей дѣятельности. Жить для другихъ. Жить открыто.

Постепенно раскрывая смыслъ этой формулы, я постараюсь очертить если не все ученіе Позитивизма (для этого надобно писать цѣлый трактатъ), то, по крайней мѣрѣ, тѣ его стороны, которыя прямо поведутъ меня къ окончательной цѣли письма, т. е. къ выясненію нашихъ сходствъ и различій.

II.

Нечего и говорить много, что подъ словами: „во имя человѣчества“ мы понимаемъ что всѣ наши правила должны выводиться не изъ откровенія теологовъ, допускающихъ бытіе человѣкоподобнаго Бога и не изъ умозрѣній метафизиковъ, допускающихъ бытіе идеи per se, а изъ научнаго представленія о Человѣчествѣ, и что только такимъ образомъ онѣ могутъ быть освящены и закрѣплены въ нашемъ сердцѣ всею силою религіознаго чувства.

*Любовь наш*ъ основной *принцип*ъ, потому что разъ постигнувши и привязавшись къ реальному, живому человѣчеству (а не къ сантиментальной абстракціи); мы не можемъ не любить людей по той самой причинѣ, по которой любовь къ живому реальному человѣчеству не можетъ не выразиться въ нѣжномъ уходѣ за его физическимъ благосостояніемъ, т. е. благосостояніемъ его атомовъ.

Насиліе противъ отдѣльнаго человѣка становится такъ

вліяній, черпаетъ силу для выстаиванія противъ ударовъ судьбы, для поддержки себя въ минуты слабостей и искушенія и для лучшаго выполненія своихъ обязанностей.

же ужасно, какъ надъ той или другой частью любимаго существа.

Братство, полное, безусловное братство всѣхъ людей, замѣняетъ для насъ то половинчатое братство, которое было реализовано христіанствомъ.

Равенство перестаетъ быть отдаленною возможностью будущаго: оно становится несомнѣннымъ фактомъ въ настоящемъ для всякаго, кто понимаетъ, что всѣ отправленія общественнаго организма одинаково необходимы и полезны для жизни цѣлаго.

Какъ видите, принципъ любви включаетъ между прочимъ многое изъ того, что собрано вами въ заповѣдяхъ: не сердись, не противься злу, не воюй. Мы не можемъ согласиться со всѣми крайними выводами вашими только потому, что такое согласіе поведетъ насъ къ исключенію самой любви.

Есть одно симпатическое чувство, которое навсегда останется частію нашей природы, не поддаваясь никакимъ сантиментальностямъ и ложной аргументаціи. Чувство это выражено Контомъ въ словахъ: сильный долженъ покровительствовать слабому. Даже волчица защищаетъ своихъ дѣтенышей отъ насилія, а человѣкъ не только всегда поступалъ и будетъ поступать такъ относительно своей семьи, но, по мѣрѣ преобладанія своей духовной природы надъ животною, будетъ распространять эти правила на всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ. Замѣтьте: мы отлично понимаемъ ту истину, что дурнаго человѣка нельзя исправить физической силой. Вы яснѣе увидите впослѣдствіи, что мы не можемъ противупоставлять физическую силу нравственнымъ вліяніямъ, хотя бы послѣднія шли въ разрѣзъ съ нашими понятіями о пользѣ, не можемъ уже потому, что слова „дурное“ или „хорошее“ мѣняютъ свой смыслъ въ

различныя времена и различно понимаются людьми въ одно и то же время. Мы отрицаемъ поэтому выводы революціонеровъ, когда они, исходя якобы изъ необходимости защиты слабыхъ, стремятся исправлять людей или прививать къ нимъ свои мнѣнія чисто-внѣшними принужденіями — большинствомъ голосовъ или революціями. Исправленіе людей происходитъ только подъ вліяніемъ нравственной работы, путемъ убѣжденія. Но кромѣ нравственнаго зла— понятія очень сбивчиваго — есть весьма опредѣленное и всѣми признанное понятіе о физическомъ злѣ, когда оно проявляется въ убійствахъ, насиліи надъ женщиною, похищеніи такъ называемой собственности силою или обманомъ, побояхъ, вымогательствѣ посредствомъ лжи, и вообще въ тѣхъ проявленіяхъ невѣжественной или злой воли, которыя всѣми признаны вредными для общежитія. И мы утверждаемъ, что если сильный человѣкъ способенъ своимъ вмѣшательствомъ пріостановить свершеніе подобнаго насилія надъ слабымъ или беззащитнымъ, то онъ обязанъ сдѣлать это. Безусловно отрицая активное насиліе, направленное противъ кого либо во имя исправленія отъ зла, мы, въ то же время, признаемъ необходимость пассивнаго насилія, когда сильный человѣкъ становится между лицомъ наносящимъ вредъ и слабымъ существомъ, чтобъ защитить послѣднее. Даже если человѣкъ убѣжденъ, что всякое физическое противодѣйствіе злому дѣйствію человѣка есть зло, даже тогда онъ долженъ, всѣми зависящими отъ него средствами, защищать слабаго, относительно злого, потому что безучастное отношеніе къ насилію, совершаемому надъ слабымъ, есть еще большее зло. Поставленный въ необходимость или допустить насиліе надъ слабымъ, или самому совершить насиліе надъ злымъ, онъ долженъ изъ двухъ золъ выбрать меньшее, такъ какъ насиліе

надъ злымъ, даже погибель его, будетъ менѣе вредно для человѣчества, чѣмъ страданія или погибель слабаго существа, нуждающагося въ защитѣ.

Этими словами мы формулируемъ не метафизическое умозрѣніе, а реальный фактъ, всегда существовавшій между людьми, фактъ, безъ котораго не было бы семьи, какъ первоначальнаго импульса для развитія альтруизма, не было бы прогресса, и жизнь потеряла бы весь свой смыслъ, всю свою прелесть.

Такая защита слабаго составляетъ одну изъ священнѣйшихъ обязанностей правительства. Правда, правительства часто злоупотребляютъ этою обязанностью, и, въ видахъ защиты слабаго, противудѣйствуютъ тому, что далеко не всѣми признано вреднымъ; еще чаще они стремятся осилить нравственныя вліянія чисто физическими принужденіями. Но эти злоупотребленія не могутъ ослабить силу только что высказанныхъ положеній. Правительства обязаны предупреждать совершеніе актовъ, признанныхъ всѣми насиліями, уже потому, что люди, находящіеся на низшей степени развитія, подобно дѣтямъ, должны вначалѣ пріобрѣтать хорошія привычки или отвыкать отъ дурныхъ путемъ чисто-внѣшнихъ препятствій; иначе, въ силу основнаго закона рефлексовъ, чѣмъ безпрепятственнѣе они будутъ свершать злые поступки, тѣмъ злѣе они будутъ становиться, тѣмъ труднѣе будетъ дѣйствовать на нихъ путемъ убѣжденія и кротости. Думать, что посредствомъ слова можно исправить людей, безпрепятственно практикующихъ зло, такъ же наивно, какъ полагать, что словесныя наставленія и даже личный примѣръ исправятъ ребенка, которому позволяютъ дѣлать все дурное. Роковая ошибка людей проповѣдующихъ безусловное несопротивленіе злу состоитъ въ томъ, что они слиш-

комъ увлекаются одною стороною дѣла, упуская изъ виду законы органическаго развитія, въ силу которыхъ воспитаніе какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и общества, должно начинаться чисто физическими стѣсненіями и препятствіями къ совершенію зла, и уже потомъ, по мѣрѣ развитія человѣка или общества, внѣшнія принудительныя средства должны мало по малу уступать средствамъ, основаннымъ на нравственныхъ вліяніяхъ и убѣжденіяхъ. Наша разница во взглядахъ на этотъ вопросъ лучше уяснится разборомъ слѣдующаго положенія позитивной формулы.

Порядокъ — основаніе нашей дѣятельности. Разумѣется тутъ не говорится о порядкѣ въ томъ смыслѣ, какъ понималъ его Паскевичъ послѣ штурма Варшавы. Подъ порядкомъ мы понимаемъ ту стройность, гармонію и единство, которыя открываются намъ колективнымъ умомъ человѣчества (наукой) и формулируются въ видѣ абстрактныхъ, обобщающихъ законовъ.

1) Ставить порядокъ въ основаніе своей дѣятельности значитъ, поэтому, не фантазировать, не поддаваться субъективнымъ (метафизическимъ) умозрѣніямъ, если онѣ не опираются на реальные факты объективной природы. Это значитъ — подчиненіе законамъ природы, независимо отъ того, нравятся ли они намъ или нѣтъ.

Положеніе это, полупризнанное въ сферѣ неорганическихъ и естественныхъ наукъ, еще совершенно не признано въ высшихъ сферахъ науки (біологіи, соціологіи, нравственности), прямо касающихся жизни человѣка. Индивидуалисты все еще говорятъ, что при существующемъ хаосѣ каждый можетъ и долженъ говорить и поступать какъ ему хочется. Но позитивистъ, исходя изъ научнаго представленія о человѣчествѣ, уже не можетъ быть распущенъ умственно. Напримѣръ: какъ бы велики ни были его симпа-

тіи къ революціи, онъ долженъ видѣть въ ней проявленіе болѣзни, которая и въ общественномъ организмѣ подобно тому какъ и въ индивидуальномъ организмѣ, является результатомъ чрезмѣрнаго развитія однихъ органовъ насчетъ другихъ. И хотя бы болѣзнь могла быть полезною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (напр. въ смыслѣ нѣкотораго исправленія на будущее время), она всегда не желательна, всегда отнимаетъ слишкомъ много жизненныхъ силъ и вредно отзывается на будущемъ развитіи организма. Какъ бы ни была сильна антипатія позитивиста къ сосредоточенію капиталовъ, къ раздѣленію на классы управляемыхъ и управителей, но разъ онъ смотритъ на общество, какъ на организмъ, онъ видитъ въ этихъ феноменахъ неизбѣжныя, роковыя проявленія органической жизни (такъ называемую дифференціацію органовъ и отправленій), которыя не могутъ быть уничтожены никакими воздыханіями. Онъ видитъ, что вредъ, сопровождающій эти проявленія, долженъ быть приписанъ не общественнымъ формамъ, а людямъ, придающимъ имъ тотъ или другой характеръ, и вся энергія позитивиста направляется не на то, чтобы сломить неотразимое, а чтобы пользоваться имъ, для возможно большаго осуществленія добра. Во всѣхъ формахъ настоящаго, позитивистъ видитъ органическое наслѣдіе прошлаго, которое не можетъ быть уничтожено, но должно измѣняться къ лучшему, путемъ нравственнаго улучшенія людей, стоящихъ у дѣла.

Наши антипатіи къ суду, къ современному экономическому строю, къ войнѣ, должны умѣряться историческими и психическими соображеніями, отчасти высказанными раньше. Мы видимъ въ нихъ факторы общественнаго воспитанія, безусловно необходимые вначалѣ, условно полезные теперь, и долженствующіе перейти въ другія, высшія

формы, когда прекратится въ нихъ надобность, т. е. когда: a) люди, развившись нравственно, не будутъ нуждаться во внѣшнихъ принужденіяхъ, а руководиться своею совѣстью; b) когда люди, какъ капиталисты, такъ и рабочіе, поймутъ, что работа не есть проклятіе, а святой долгъ, выполняемый и безъ принужденій голода или тщеславія; что продукты производства не составляютъ собственности производителя и предназначаются для наилучшаго питанія общественнаго организма въ настоящемъ и для наилучшей его поддержки въ будущемъ; c) когда прекратится опасность нападеній, и война перестанетъ быть единственной школой для развитія духа повиновенія, геройства и самоотверженнаго служенія долгу. Другими словами — когда воспитаніе этихъ качествъ, столь необходимыхъ для будущаго развитія человѣчества, перейдетъ отъ сферы разрушительной къ сферѣ созидательной (промышленности).

Цѣлые тома можно было бы написать по этому поводу. Тысячи мыслей роятся въ моей головѣ, но говорить обо всемъ въ письмѣ невозможно. Но и сказаннаго достаточно, чтобы показать, что главный смыслъ разбираемой формулы состоитъ въ подчиненіи своихъ умозрѣній фактамъ и законамъ объективной природы. Но этого мало.

2) Кто ставитъ порядокъ въ основаніе своей дѣятельности, тотъ долженъ быть знакомъ съ главными обобщеніями науки, долженъ обладать тою дисциплиною ума, безъ которыхъ часто невозможно осуществить самыя лучшія намѣренія. Если же онъ не можетъ удовлетворить этимъ условіямъ, то долженъ разумно пользоваться довѣріемъ къ хорошимъ людямъ, обладающимъ знаніями, и черезъ нихъ пользоваться свѣтомъ науки. Не слѣдуетъ смѣшивать этого положенія ни съ заблужденіями католицизма, требующаго безусловнаго повиновенія авторитету, ни съ

ошибками индивидуализма, полагающаго, будто умъ составляетъ все, будто умомъ улучшается жизнь. Мы знаемъ, что умъ, подобно безсовѣстному адвокату, всегда служитъ болѣе сильнымъ побужденіямъ; и если умъ можетъ принести пользу, служа хорошимъ инстинктамъ, то на столько же можетъ принести вредъ, при преобладаніи дурныхъ инстинктовъ. Такъ какъ человѣкъ во всемъ руководится своими чувствами, симпатіями и антипатіями, то, разумѣется, правильное развитіе чувствъ во всѣхъ людяхъ должно стоять на первомъ планѣ, а въ этомъ-то и состоитъ назначеніе религіи. Но мы утверждаемъ, что одно чувство безъ знанія приводитъ къ тому же, къ чему приходитъ корабль, обладающій движущею силою, но безъ руля. Не даромъ адъ Данта вымощенъ добрыми намѣреніями. „Умъ не долженъ быть рабомъ сердца“ — говоритъ нашъ великій учитель — „онъ долженъ навсегда оставаться его вѣрнымъ слугой“. Вотъ почему всеобщее и солидное образованіе входитъ однимъ изъ религіозныхъ догматовъ нашего ученія, и работа въ направленіи осуществленія этого догмата (въ особенности теперь, когда множество людей не имѣетъ ни времени, ни возможности для умственнаго образованія), должно всецѣло лечь на людей, обладающихъ духовнымъ капиталомъ человѣчества. Подобно капиталистамъ матеріальныхъ богатствъ, они, при свѣтѣ новой религіи, поймутъ, что всѣ ихъ знанія и таланты принадлежатъ человѣчеству и даны имъ только для того, чтобы они могли приносить наибольшую пользу обдѣленнымъ братьямъ. Они перестанутъ тогда думать, что могутъ произвольно распоряжаться своимъ капиталомъ; они увидятъ страшный вредъ, происходящій отъ неравномѣрнаго распредѣленія умственныхъ и эстетическихъ богатствъ, когда меньшинство забавляется трескотнею никому не нужныхъ

академическихъ диссертацій, по поводу какой нибудь тонкой спеціальности, или пресыщается эстетическими наслажденіями, въ то время, когда массы коснѣютъ въ невѣжествѣ и суевѣріи, не зная самыхъ элементарныхъ законовъ жизни и заполняя водкой отсутствіе всякихъ удовольствій. Вмѣсто того, чтобы пользоваться умственнымъ капиталомъ для удовлетворенія эгоистическихъ стремленій къ почету и деньгамъ, они, подъ вліяніемъ религіи человѣчества, начнутъ проповѣдывать науку, какъ проповѣдывалось прежде слово Божіе, съ тѣмъ безкорыстіемъ и энтузіазмомъ, которыми отличаются миссіонеры всякой живой религіи. Проводя здравыя понятія о физической и нравственной гигіенѣ, учителя нравственности должны первыми показать на себѣ соотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ. Такимъ путемъ они будутъ пріобрѣтать довѣріе и любовь своихъ учениковъ и приблизятъ то время, когда люди, обладающіе общимъ образованіемъ, будутъ принимать отъ служителей науки законы нравственности съ такимъ же довѣріемъ, съ какимъ мы, въ силу своего образованія и довѣрія къ математикамъ и естествоиспытателямъ, принимаемъ ихъ астрономическія предсказанія или химическія открытія. Тогда учителя позитивной нравственности займутъ мѣсто учителей нравственности, основанной на откровеніи, и представятъ собой опору для тѣхъ, которые не смогутъ или не захотятъ стать спеціалистами учеными.

3) Ставить порядокъ въ основаніе своей дѣятельности — значитъ сознавать, что размѣры нашего счастія находятся въ прямой зависимости отъ числа безспорно — научныхъ истинъ, которыя пріобрѣтены людьми, и отъ степени нашего повиновенія имъ.

Увеличивать число безспорныхъ истинъ, и тѣмъ уменьшать умственную рознь людей — есть одно изъ назначеній

науки. Придать людямъ желаніе и силу для выполненія этихъ истинъ есть дѣло религіи. Но всегда были, есть и будутъ вопросы, требующіе немедленнаго приложенія къ жизни, хотя наука не можетъ еще дать свой окончательный приговоръ. Тогда, на помощь наукѣ, выступаетъ религія, говоря, что человѣчество не имѣетъ возможности ни понять Бога въ конкретныхъ формахъ, ни войдти съ нимъ въ непосредственное сношеніе, и что, поэтому, оно должно само добиваться до истины, часто путемъ ошибокъ и заблужденій. Научные споры и противорѣчія служатъ въ глазахъ позитивиста однимъ изъ указаній несчастія, потому что гдѣ есть разногласіе, тамъ есть и заблуждающіеся. Тѣмъ не менѣе, движимый желаніемъ служить человѣчеству, онъ видитъ, что чѣмъ шире, разнообразнѣе и оригинальнѣе будетъ дѣятельность людей, стремящихся къ рѣшенію какого нибудь вопроса, тѣмъ легче и скорѣе отыщется истина и наступитъ конецъ невольнымъ страданіямъ заблуждающихся. И вотъ, изъ религіи человѣчества вытекаетъ такая широкая терпимость людей и вытекающихъ отсюда поступковъ, о которой не имѣютъ понятія ни теологи (вѣрящіе въ обладаніе божественною мудростью), ни метафизики (вѣрящіе въ абсолютную истинность своихъ положеній). Передъ нею блѣднѣетъ современная терпимость, которая желательна меньшинству для того только, чтобы, ставши большинствомъ, душить своихъ противниковъ, во имя Бога, или метафизическихъ: свободы, равенства и братства. Вмѣсто того, чтобы повторять ужасный кличъ: кто не за меня, тотъ противъ меня, наша религія учитъ, что всѣ несогласные съ нами одинаково съ нами помогаютъ человѣчеству въ разрѣшеніи текущихъ сомнѣній. Мы не смѣемъ болѣе прикрываться абсолютною истинностью своихъ мнѣній. Взамѣнъ теоріи большинства,

мы говоримъ, что даже одинъ человѣкъ, честно и во имя человѣчества, несоглашающійся съ мнѣніемъ милліоновъ, долженъ быть святъ и неприкосновенъ въ своей дѣятельности, такъ какъ въ немъ выражается недостаточная убѣдительность общепринятаго мнѣнія, и, слѣдовательно, никто еще не можетъ сказать, на чьей сторонѣ истина. Опасеніе будто такая терпимость отниметъ энергію у людей и поведетъ ихъ къ обезличенію такъ же ошибочно, какъ и боязнь, что люди перестанутъ заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей, когда разубѣдятся въ ихъ безусловномъ совершенствѣ. Во всѣхъ нерѣшенныхъ вопросахъ, человѣкъ всегда будетъ двигаться своими симпатіями. Не даромъ ему даны симпатіи; въ нихъ выражаются инстинктивно потребности человѣчества. Онѣ даны каждому человѣку, чтобы онъ съ возможно большимъ стараніемъ холилъ и воспитывалъ ихъ, стараясь поставить ихъ на ноги и дать имъ силу отстоять свое существованіе. Каждый человѣкъ долженъ выполнить свои обязанности относительно своихъ идей, не потому, чтобы ими выражалась абсолютная истина, а потому, что даже ихъ ошибочность послужитъ однимъ изъ средствъ для открытія истины.

Ограничусь пока этими тремя выводами изъ разбираемаго положенія. Мы видимъ, что въ словахъ „порядокъ есть основаніе нашей дѣятельности“ заключается: 1) необходимость подчинить субъективныя воззрѣнія объективнымъ фактамъ природы, 2) рядъ обязанностей, налагаемыхъ на обладателей духовными капиталами человѣчества, и 3) такая широкая терпимость, которая, выростая изъ самой сущности позитивной религіи, составляетъ ея лучшую красу. Ссылка на эти три пункта понадобится мнѣ впослѣдствіи; а теперь перейду къ разъясненію слѣдующаго положенія.

III.

Прогрессъ — цѣль нашей дѣятельности. Начнемъ съ того, что слово прогрессъ теряетъ у насъ сантиментально-метафизическій характеръ, приданный ему въ современной литературѣ. По нашему сознанію, прогрессъ есть синонимъ органическаго роста, въ которомъ нѣтъ хаоса или неопредѣленности, а есть строгая послѣдовательность и законность явленій, причемъ этотъ ростъ подчиняется ряду непрерывныхъ и постепенныхъ измѣненій.

Сочетаніе порядка съ прогрессомъ кажется безсмыслицей въ умѣ метафизика революціонера, но для позитивиста оно остановится лучшею характеристикой органической жизни; и разъ мы знаемъ, что человѣчество есть растущій организмъ, то, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ формамъ, перешедшимъ отъ прошлаго, у насъ невольно ассоціируется идея о необходимости ихъ измѣненія въ будущемъ.

Понятно, что отдѣльные люди, роковымъ образомъ, участвуя въ прогрессѣ общества, должны наилучшимъ образомъ содѣйствовать ему. Содѣйствовать прогрессу, значитъ придать жизни атома характеръ наиболѣе удовлетворяющій требованіямъ всего организма, т. е. подчинить личную жизнь общимъ цѣлямъ и стремленіямъ. Иначе жизнь отдѣльнаго человѣка будетъ находиться въ дисгармоніи съ жизнью цѣлаго, и послужитъ не помощникомъ его поступательнаго движенія, а только ея тормазомъ.

Позитивная философія еще далека отъ того, чтобы дать полные отвѣты и разъясненія на всѣ детали жизни; но исходя изъ представленія человѣчества, какъ общественнаго организма, она можетъ если не опредѣлить точно пути для

каждаго человѣка, то, по крайней мѣрѣ, зажечь маяки, которые помогутъ ему не сбиваться въ современномъ хаосѣ противорѣчивыхъ мнѣній. Она изобилуетъ драгоцѣнными указаніями относительно наиболѣе цѣлесообразныхъ типовъ домашней, государственной и экономической жизни. Пропуская эти указанія, остановимся только на обязательствѣ вытекающемъ изъ духовныхъ свойствъ прогресса, когда мы разсматриваемъ его какъ постепенное подчиненіе нисшихъ, чисто животныхъ инстинктовъ, инстинктамъ высшаго порядка. Измѣненіе это идетъ медленно, быть можетъ черезъ чуръ медленно, именно потому, что дѣятельность отдѣльныхъ личностей очень слабо содѣйствуетъ ему и часто совершенно противудѣйствуетъ. Хотя равнодѣйствующая всѣхъ духовныхъ силъ общества направлена въ сторону нравственнаго улучшенія, она сильно уменьшается дѣйствіемъ противуположныхъ силъ, и потому такъ незначительна. Ускорить и усилить прогрессъ возможно будетъ только тогда, когда люди, до сихъ поръ безсознательно участвующіе въ прогрессѣ улучшенія, поймутъ сознательно, что первое и самое главное правило жизни каждаго состоитъ въ постоянномъ стремленіи къ нравственному самоусовершенствованію. Тогда, вмѣсто существующей въ настоящее время строгости къ другимъ, и распущенности относительно самого себя, явится необходимость быть строгимъ къ самому себѣ, и, узнавши на опытѣ всю трудность и медленность самоисправленія, снисходительнѣе смотрѣть на недостатки другихъ.

Религія человѣчества, подобно другимъ религіямъ, способствуетъ работѣ самоулучшенія, придавая ей поэтическую окраску и оживотворяя мертвый, научный выводъ образомъ Великаго Существа, въ которомъ каждый изъ насъ составляетъ частицу и которое, поэтому, не можетъ

совершенствоваться безъ того, чтобы не улучшались его атомы. Причастіе христіанъ, какъ періодическое напоминаніе единенія всякаго вѣрующаго съ Христомъ, только въ слабой степени выражаетъ собой ту великую идею, которая окончательно выясняется религіею человѣчества и не нуждается болѣе въ аллегоріяхъ и мистикѣ. Становится очевиднымъ, что жизнь всякаго человѣка постоянно и неразрывно сливается съ жизнію человѣчества, что каждый поступокъ, чувство, мысль, идутъ на славу или на поруганіе его спасителя. И понятно — чѣмъ сильнѣе будетъ его религіозная привязанность къ человѣчеству, тѣмъ легче онъ будетъ выполнять тяжелую работу самоулучшенія, которая одна часто требуетъ напряженія всѣхъ силъ и даетъ занятіе человѣку въ теченіе всей его жизни.

Разумѣется, что въ процессѣ самоулучшенія не достаточно ограничиться одними религіозными импульсами: должно имѣть еще нравственное мѣрило для оцѣнки своихъ поступковъ, и вотъ мѣрило это дается двумя послѣдующими положеніями: жить для другихъ; жить открыто:

Жить для другихъ. Въ этихъ трехъ словахъ вы одинаково со мною видите неисчерпаемый источникъ для руководства въ жизни, выраженіе высочайшей мудрости. Временная, не существенная разница между нами лишь та, что вы приписываете эту заповѣдь Христу (какъ бы забывая прекрасныя изреченія въ томъ же родѣ Будды и Конфуція), а мы утверждаемъ, что она постепенно Вырабатывалась коллективнымъ умомъ всего человѣчества, проходила черезъ различныя степени приближенія и только недавно достигла научной точности. Человѣчество долго бродило въ потемкахъ, отыскивая истину. Инстинктивно чувствая потребность въ ученіи альтруизма, чтобы облегчить процессъ объединенія всѣхъ людей въ одно цѣлое,

оно могло сначала держаться только такихъ формъ его, которыя окрашивались эгоистическими побужденіями (люби ближняго, *какъ* самого себя; желай вѣчнаго блаженства; страшись вѣчнаго наказанія). Наконецъ, въ лицѣ Огюста Конта, человѣчество дожило до самосознанія, до включенія себя въ число органическихъ существъ, и съ тѣхъ поръ заповѣдь альтруизма перестаетъ быть предчувствіемъ великой истины, а становится неоспоримымъ научнымъ фактомъ. Очищенное отъ всѣхъ ненужныхъ придатковъ, ученіе это является только инымъ выраженіемъ высшаго закона всякой органической жизни, а именно: часть организма должна служить цѣлому. Всѣ тѣ, которые отказались принять заповѣдь альтруизма отъ религіи откровенія въ формѣ личнаго счастія, должны принять ее теперь, въ болѣе строгой формѣ неукоснительнаго долга. Я говорю: *должны* принять ее, потому, что въ этой формѣ впервые сливаются стремленія религіи съ выводами науки.

Мнѣ незачѣмъ распространяться о глубокомъ различіи между общепринятою теоріею индивидуализма и теоріею позитивной нравственности.

„Каждый стремится къ личному счастію“ — говорятъ всѣ индивидуалисты; „но“ — прибавляютъ лучшіе между ними — „чтобы достигнуть личнаго счастія, мы должны заботиться о счастіи другихъ“. Такимъ образомъ, счастіе другихъ (лучшая часть ихъ этики) отодвигается на второй планъ, считается производнымъ понятіемъ, тогда какъ служеніе самому себѣ (т. е. та часть этики, съ которою согласны всѣ изверги, деспоты, эгоисты, развратники) считается первымъ и единственнымъ побужденіемъ жизни.

Позитивисты-же говорятъ, что на первомъ планѣ должно стоять служеніе человѣчеству, при чемъ каждый чело-

вѣкъ долженъ самоотверженно исполнять свои обязанности, вовсе не думая о сохраненіи личныхъ удовольствій, которыя всегда являются результатомъ выполненія законовъ природы, такъ какъ даже погибая на своемъ посту онъ моститъ дорогу къ счастію для другихъ.

Одна теорія — теорія торгашей. Она прикрываетъ безчестность въ большинствѣ случаевъ, при чемъ если говорится о честности, то подъ нею подразумѣваютъ тонкій расчетъ личной выгоды. Другая теорія — теорія солдатъ, которые идутъ въ бой, не заботясь о сохраненіи своей жизни и знал, что чѣмъ самоотверженнѣе они будутъ выполнять свои обязанности, тѣмъ болѣе будетъ обезпечено благо цѣлой арміи, несмотря на гибель отдѣльныхъ лицъ.

Джонъ Стюартъ Милль, а за нимъ и другіе, говорятъ, что изрѣченіемъ „жить для другихъ“ исключаются всѣ удовольствія личной жизни. Это невѣрно. Въ самомъ словѣ „жить“ уже включено понятіе о томъ, что человѣкъ долженъ наилучшимъ образомъ заботиться о себѣ; но, подобно хорошему солдату, онъ долженъ поступать такъ для пріобрѣтенія способности къ лучшему выполненію своихъ обязанностей относительно цѣлаго, и для пріобрѣтенія высшихъ качествъ, могущихъ развить забвеніе личныхъ побужденій. Это подчиненіе эгоизма альтруизму не есть выдумка разстроенной фантазіи; оно существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Дарвинъ въ III главѣ „О происхожденіи человѣка“ говоритъ, что оно проявляется даже у стадныхъ животныхъ. Этимъ объясняются явленія такъ называемаго патріотизма. Всѣ затрудненія происходили лишь оттого, что люди, путаясь въ сѣтяхъ метафизики и индивидуализма, никакъ не могли осмысленно представить себѣ это подчиненіе. Долгій споръ о господствѣ эгоизма или альтруизма законченъ наконецъ позитивною наукою,

которая говоритъ, что общій законъ всякаго органическаго развитія (часть должна жить для цѣлаго) примѣняется и къ общественному организму, хоть бы атомы его (люди) и не допускали въ своемъ сознаніи ничего выше себя. Вотъ почему инстинктъ личнаго самосохраненія (т. е. наши эгоистическія побужденія), несмотря на свою кажущуюся интенсивность, всегда подчинялся инстинкту общественнаго самосохраненія, который отражается въ сознаніи людей въ формѣ альтруистическихъ, патріотическихъ и религіозныхъ представленій.

Мы знаемъ теперь, что законъ подчиненія эгоизма альтруизму всегда выполнялся, хотя и безсознательно, громаднымъ большинствомъ людей, и что чѣмъ шире, полнѣе и сознательнѣе это выполненіе, тѣмъ легче и быстрѣе совершается ростъ (прогрессъ) общества.

Временное ослабленіе этого закона мы видимъ въ періоды упадка религій. Люди и тогда продолжаютъ служить альтруистическимъ побужденіямъ; но служеніе это, неосмысленное ни религіей, ни философіей, всегда парализуется господствующими тогда ученіями индивидуализма. И въ настоящее время есть много людей, которые отошли отъ христіанства, но сохранили въ себѣ преобладаніе альтруизма. Такіе люди погибаютъ отъ неумѣнья согласить свою теорію индивидуализма съ непонятною для нихъ потребностью служить обществу: они не могутъ ни идти назадъ, къ христіанству, ни объяснить гложущія ихъ противорѣчія—имъ остается только чахнуть въ постылой для нихъ жизни. Только религія человѣчества можетъ спасти такихъ людей; только она можетъ прекратить борьбу между чувствомъ и умомъ, и придать человѣку ту энергію и мощь духа, которыя всегда являются результатомъ внутренней гармоніи и полноты міросозерцанія. До сей поры

эта сила духа была монополіей людей —эгоистовъ, потому что только такіе люди могутъ жить безъ сомнѣній и колебаній въ сферѣ пресыщенной несчастіями. Теперь эта сила можетъ быть удѣломъ и людей альтруистическаго склада, но для этого они должны покинуть знамя личнаго счастія и сгруппироваться подъ знаменемъ долга.

Кому выгодна теорія индивидуализма, тѣ естественно страшатся приближенія этого момента. Имъ не желательно потерять содѣйствіе людей, которые своимъ посильнымъ трудомъ прикрывали ихъ темныя дѣлишки и какъ бы оправдывали теорію индивидуализма. Вотъ почему современное общество съ такою ненавистью накинулось на ученіе альтруизма. „Ваше ученіе непрактично“, говорятъ они, — „вы сами не можете выполнить и тысячной доли тѣхъ обязательствъ, о которыхъ такъ сладко говорится въ вашихъ фразахъ“... Подобныя возраженія повторяются часто, сыпятся отовсюду, подкрѣпляются разными фактами изъ жизни того или другого послѣдователя новаго ученія, и чѣмъ болѣе выдается личность, протестующая противъ индивидуализма, тѣмъ сильнѣе осаждаютъ ее упреками въ непослѣдовательности. Неудивительно, что люди, подобные даже вамъ, Левъ Николаевичъ, не могутъ устоять подъ бременемъ обвиненій. Не зная, какъ доказать несправедливость нападокъ, они, вопреки протестамъ своей совѣсти, соглашаются съ обвиненіями индивидуалистовъ, вмѣстѣ съ ними кидаютъ въ себя грязью, и даютъ имъ поводъ говорить покровительственнымъ тономъ: „вотъ, вы сами сознаетесь, что ваша теорія неосуществима; слѣдовательно, она не можетъ имѣть значенія для серьезныхъ людей“.

Картина самобичеванія хорошихъ людей для потѣхи скомороховъ могла быть терпима въ то время, когда сте-

пенью униженія на землѣ измѣрялась возможность достиженія вѣчнаго блаженства; но, въ настоящее время, она по истинѣ, возмутительна. Надо согласиться, что пока люди находятся въ метафизической порѣ развитія и вѣрятъ въ абсолютную свободу воли, они необходимо должны или отвергать ученіе альтруизма, какъ несущественное, или, принявши его, сознаться въ своемъ ничтожествѣ. За то всякій, усвоившій пріемы позитивнаго мышленія, легко можетъ обратить въ ничто всѣ хитросплетенія метафизическихъ капкановъ, хотя бы въ нихъ ловились гиганты интеллекта.

Я не въ состояніи привесть всѣ разъясненія Конта, которыми онъ устанавливаетъ различіе между истинами абстрактныхъ наукъ и степенью ихъ осуществимости въ жизни. Это значило бы излагать всю позитивную философію. Я могу только вкратцѣ намѣтить ту идею, безъ которой невозможно ни понять, ни правильно оцѣнить ученіе альтруизма.

Возьмемъ, напримѣръ, одну изъ тѣхъ истинъ, которыя никѣмъ не оспариваются, а именно, что всѣ прямые углы равны между собой. Это истина абстрактной науки, но мы не видимъ ея осуществленія въ жизни, такъ какъ въ дѣйствительности не всѣ прямые углы равны между собой. Слѣдуетъ ли изъ этого, что теорема невѣрна? Не вѣрнѣе ли объяснить эти уклоненія отъ истины несовершенствомъ нашихъ чувствъ и невозможностью достигнуть идеальной точности въ технической постройкѣ угла? Допустимъ теперь, что какой нибудь метафизикъ будетъ утверждать, что вслѣдствіе невозможности осуществить на практикѣ равенство прямыхъ угловъ, мы должны считать самую теорему невѣрною. Развѣ мы не скажемъ ему, что абстрактная истина выработана людьми не для ея осуществленія,

а для повѣрки степени нашего приближенія къ ней? Желая осуществить абстрактную истину, самый искусный работникъ истратитъ всю свою жизнь въ напрасныхъ усиліяхъ построить идеально-прямой уголъ, и никогда не достигнетъ желаемаго, такъ какъ съ увеличеніемъ точности измѣрительныхъ приборовъ, всегда окажется существованіе ошибки. Слѣдуя же указаніямъ здраваго смысла, онъ постарается сдѣлать возможно болѣе вѣрный наугольникъ, чтобы имъ повѣрять точность своихъ работъ, стараясь, разумѣется, какъ можно менѣе уклоняться отъ своего наугольника. Одинъ окончитъ свою жизнь безплоднымъ самобичеваніемъ на счетъ своей негодности. Другой будетъ строить все необходимое съ углами хотя и неточными, но вполнѣ удовлетворяющими практическимъ потребностямъ жизни. При томъ, развивая техническую ловкость, онъ воспитываетъ въ себѣ возможность лучше строить углы и станетъ подходить все ближе къ требованіямъ абстрактной истины.

Возьмемъ другой примѣръ: механикъ, принимая въ расчетъ сопротивленіе воздуха, уголъ вылета и начальную скорость брошеннаго снаряда, опредѣляетъ кривую (траэкторію), по которой снарядъ долженъ двигаться. Это выводъ абстрактной науки. Слѣдуетъ ли уничтожить его только потому, что ни одинъ изъ билліона брошенныхъ снарядовъ не опишетъ теоретически-вѣрной траэкторіи? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, дорожить этой абстрактной истиной, какъ единственнымъ мѣриломъ для оцѣнки годности математическихъ орудій, и стараться такъ совершенствовать ихъ, чтобы отклоненія отъ нормальной траэкторіи были бы возможно-меньшія?

Надѣюсь, что примѣры, взятые мной изъ математическихъ наукъ, помогутъ вѣрнѣе понять законы этики. На-

ука эта изслѣдуетъ самыя сложныя проявленія нашего духа, чтобы найдти ихъ причинность и связь, и выражаетъ свои обобщенія въ видѣ абстрактныхъ формулъ. Одинъ изъ такихъ законовъ найденъ Контомъ и сформулированъ въ словахъ „жить для другихъ“. Говорятъ, что формула эта невѣрна потому, что неосуществима; но говорятъ это или люди сознательно отстаивающіе выгодный для нихъ индивидуализмъ, или люди искренніе и честные, но не отрѣшившіеся еще отъ метафизической точки зрѣнія. Намъ не должно идти въ ихъ ловушки. Мы должны стать на совершенно другую точку зрѣнія, и въ невыполнимости этой формулы видѣть только новое подтвержденіе, что имѣемъ дѣло съ закономъ абстрактной науки, который данъ намъ не для его осуществленія въ идеальной точности, а для постройки наилучшаго, въ настоящее время, мѣрила нравственности, чтобы этимъ мѣриломъ оцѣнивать работу своего духа. Понятно, что стараясь по возможности менѣе уклоняться отъ своего мѣрила, и постепенно совершенствуя свои духовныя способности, мы все ближе и полнѣе будемъ подходить къ требованіямъ абстрактной истины. Исходя изъ законовъ органическаго развитія, мы не можемъ и не должны ожидать, чтобы открытіе нравственныхъ истинъ сразу сдѣлало насъ совершенствами. Мы не вѣримъ во внезапныя превращенія; мы можемъ только постепенно приближаться къ своему идеалу.

Многіе не безъ основанія возражаютъ, что такое объясненіе законовъ нравственности можетъ ослабить въ людяхъ стремленіе къ самоулучшенію. Разъ кто либо допускаетъ неосуществимость идеала и неизбѣжность уклоненій; разъ человѣкъ не въ состояніи поставить точные предѣлы для этихъ уклоненій — онъ можетъ легко перейдти къ оправданію всякихъ уклоненій. Такой человѣкъ можетъ

говорить о законѣ альтруизма, и, если онъ лицемѣръ или нравственный лѣнтяй, оправдывать свои дурные поступки неисправимостью своей природы.

Мы допускаемъ справедливость этого возраженія только въ томъ случаѣ, когда законы этики разсматриваются какъ интелектуальная забава, не затрогивающая нашихъ чувствъ. Тогда умъ, при помощи софизмовъ, можетъ усыплять совѣсть. Но къ счастію, позитивизмъ есть не только философія, но и религія. Онъ не только развиваетъ умъ, но и задѣваетъ самыя сильныя струны человѣческой души. Чѣмъ ярче будетъ горѣть религіозное чувство, тѣмъ опредѣленнѣе будетъ характеръ задачъ, поставленныхъ сердцемъ для разрѣшенія ихъ умомъ, тѣмъ невозможнѣе будетъ убаюкиваніе себя посредствомъ софизмовъ. Религіозное чувство становится тогда неусыпнымъ стражемъ нашихъ поступковъ, чувствъ и мыслей; оно постоянно побуждаетъ насъ къ выполненію нашихъ обязанностей и переходитъ въ живой часто невыносимый укоръ, когда почему либо мы уклоняемся отъ нихъ. При такомъ состояніи души нѣтъ мѣста ни самонадѣянному лицемѣрію, ни нравственной лѣни. Опасность можетъ явиться въ другой крайности — когда чувство, недостаточно контролируемое умомъ, начнетъ задаваться непосильными задачами, и человѣкъ, вслѣдствіе неудачъ, можетъ потерять вѣру въ себя и свои силы.

И такъ возраженіе о безплодности позитивной нравственности можетъ быть высказываемо и допускаемо только людьми незнакомыми съ силою религіознаго чувства.

Затѣмъ остается еще разъяснить рядъ вопросовъ, которые приходится слышать отъ людей съ сильно-развитымъ альтруизмомъ. Такіе люди вовсе не желаютъ опровергать основной законъ позитивной нравственности; они

видятъ въ немъ лучшій исходъ изъ современнаго хаоса, но имъ недостаточно знаніе абстрактнаго закона. Они хотятъ знать, *какъ* слѣдуетъ имъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, *какъ* примѣнять абстрактный законъ къ деталямъ жизни. Словомъ, они хотятъ перейдти отъ теоріи жизни къ ея практикѣ. Отвѣтомъ на эти вопросы служитъ послѣднее положеніе позитивной формулы.

IV.

Жить открыто. Какъ ни странны эти слова для неподготовленнаго человѣка, въ нихъ заключается лучшій совѣтъ для желающихъ осуществить законы этики. Но для разъясненія ихъ мы должны вѣрнѣе поставить самые вопросы и отбросить все, что можетъ повести къ недоразумѣніямъ.

Прежде всего мы должны исключить то предположеніе будто годность нравственныхъ теорій опредѣляется ихъ полнотой, т. е. ихъ способностью отвѣчать на всѣ вопросы жизни. Кто стоитъ на этой точкѣ зрѣнія, тотъ долженъ обращаться къ толкованіямъ теологовъ, готовыхъ выводить все изъ откровенія, и метафизиковъ, съ неменьшей готовностью выводящихъ все изъ міра идей. Позитивизмъ, скованный подчиненностью объективной природѣ, не можетъ дать больше того, что выработано до настоящаго времени. Развитіе этики, этого вѣнца человѣческихъ знаній, находится въ прямой зависимости отъ развитія біологіи, психологіи и соціологіи, которыя, какъ извѣстно, сами находятся еще на весьма низкой степени развитія, а потому мы должны довольствоваться пока лишь немногими законами, да научными методами для временнаго, прибли-

женнаго разрѣшенія неотлагательныхъ вопросовъ жизни.

Затѣмъ, при распросѣ о деталяхъ жизни, большинство спрашивающихъ руководится втайнѣ желаніемъ попасть на вѣрный путь, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, насладиться возможно большимъ личнымъ счастіемъ; и чѣмъ сильнѣе въ нихъ это желаніе, тѣмъ скорѣе приходится имъ разочаровываться въ позитивизмѣ и осуждать его „непрактичность“.

Желаніе это должно отойти на послѣдній планъ. Правильное пониманіе позитивной нравственности и ее глубокой практичности возможны только для тѣхъ, которые разъ навсегда поймутъ всю эфемерность и недостижимость личнаго счастія. Я не говорю здѣсь объ абсолютномъ счастіи; его отвергаютъ даже метафизики, несмотря на то, что считаютъ себя обладателями безусловной истины *).

Я говорю о томъ условномъ счастіи, размѣръ котораго, для каждаго даннаго времени, опредѣляется: a) количествомъ выясненныхъ законовъ, b) степенью нашей способности выполнять ихъ велѣнія, и c) размѣромъ нашихъ требованій отъ жизни.

И всякій, кто знаетъ, какъ мало безспорныхъ законовъ выработано наукой, какъ трудно людямъ отрѣшиться отъ личныхъ вкусовъ и симпатій, какъ сильно ростетъ, вмѣстѣ съ развитіемъ людей, ихъ отзывчивость ко всему дурному — тотъ увидитъ, какъ малы должны быть крохи счастія перепадающія людямъ даже въ томъ предположеніи, что добыча этихъ крохъ зависитъ исключительно отъ ихъ воли. Но позитивизмъ, отвергая безусловную свободу воли, еще болѣе съуживаетъ размѣръ этого счастія. Свобода во-

*) Сказать, что полное счастіе наступитъ, когда всѣ люди примутъ извѣстное ученіе, значитъ, только другими словами, отрицать возможность абсолютнаго счастія.

ли безспорно принадлежитъ къ самымъ сильнымъ агентамъ въ дѣлѣ улучшенія личной жизни человѣка и среды его окружающей, но полагаться во многомъ на нее нельзя: она должна быть сравниваема съ свободой атома, имѣющаго нѣкоторый просторъ для молекулярныхъ движеній. Разумѣется, если атомъ одаренъ сознаніемъ, онъ можетъ пользоваться этимъ просторомъ для достиженія наилучшихъ результатовъ, и, чѣмъ лучше онъ выполнитъ свое назначеніе, тѣмъ большія удовлетворенности онъ вынесетъ изъ своей жизни. Но, за всѣмъ тѣмъ, онъ всегда будетъ подчиненъ фатальнымъ вліяніямъ, вытекающимъ органически изъ потребностей и степени развитія цѣлаго организма. Эти руководящія вліянія уже не могутъ измѣняться такъ легко и скоро, какъ измѣняются потребности и дѣятельность отдѣльныхъ атомовъ. Статистикъ показываетъ намъ, что даже тѣ поступки, въ которыхъ наиболѣе участвуетъ наша личная воля, подлежатъ какимъ-то высшимъ фатальнымъ законамъ, такъ какъ цыфры, которыми выражаются эти поступки, не измѣняются, или измѣняются отъ причинъ, не имѣющихъ часто ничего общаго съ стремленіями отдѣльныхъ атомовъ. Эти поразительные факты служатъ для позитивиста лишь новымъ подтвержденіемъ того, что общества суть организмы, и что человѣкъ побуждается не столько сознательными импульсами свободной воли, сколько безсознательными для него, но роковыми вліяніями всего общества. А потому личное счастіе отдѣльнаго человѣка, несмотря на всѣ усилія его духа, не можетъ подняться много выше противъ средняго размѣра того счастія, которое достижимо цѣльнымъ организмомъ. Все, что испытываетъ человѣкъ, такъ тѣсно сливается съ радостями и горемъ другихъ, что становится даже смѣшно говорить о личномъ счастіи.

Вотъ почему религія человѣчества, хотя не отрицаетъ врожденнаго стремленія человѣка къ счастію, но старается раціонально объяснить его и видитъ въ немъ лишь сильное побужденіе, вложенное въ насъ, какъ средство для лучшаго выполненія нашихъ обязанностей къ обществу. Наша религія не говоритъ своимъ послѣдователямъ: слушайтесь во всемъ меня и вамъ будетъ хорошо. Такъ обыкновенно говорятъ родители маленькимъ дѣтямъ, или Богъ (черезъ откровеніе) своимъ рабамъ. Религія человѣчества имѣетъ дѣло съ людьми, вышедшими изъ дѣтскаго состоянія и потому не скрываетъ того, что ожидаетъ ихъ впереди. „Идите по указанному направленію“,— говоритъ она имъ — „это единственный путь къ счастію, но не ожидайте впереди готовой дороги: вы должны сами прокладывать ее въ чащѣ непроходимаго, темнаго лѣса. Вамъ придется дѣлать ошибки; вы часто будете накалываться на терніи, не разъ — падать отъ усталости. Многіе погибнутъ преждевременно отъ тяжелой работы, но при увѣренности въ безошибочности своего направленія, вы не будете падать духомъ. Напротивъ, все съ большею энергіею станете вы продолжать разъ начатую работу, потому что съ каждымъ шагомъ впередъ будетъ уменьшаться разстояніе, отдѣляющее васъ отъ источника свѣта и все болѣе лучей счастія будетъ доходить до васъ и облегчать вашу тяжелую работу“.

Кому не понравятся эти слова, кому пріятнѣе быть обманутымъ, лишь бы не знать объ опасностяхъ его ожидающихъ, — тотъ не послушаетъ указаній новой религіи. Но кто пойдетъ по указанному направленію, тотъ уже знаетъ, что ожидаетъ его впереди. Онъ уже застрахованъ отъ разочарованій; онъ будетъ бодро выносить несчастія и съ благодарностью пользоваться тѣми немногими лучами счастія, которые, можетъ быть, падутъ и на него.

Теперь мы можемъ перейдти къ разбору положенія, поставленнаго въ началѣ этого отдѣла. Религія человѣчества зажигаетъ въ человѣкѣ стремленіе къ самоулучшенію и говоритъ ему: „живи для другихъ“. Но этимъ указывается только направленіе, въ которомъ онъ долженъ работать при всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни и при всякомъ общественномъ положеніи. Детали же работы должны вырабатываться людьми. При чемъ дальнѣйшее открытіе абстрактныхъ законовъ нравственности становится по преимуществу обязанностью великихъ мыслителей и ученыхъ, а примѣненіе ихъ къ жизни — дѣломъ обыкновенныхъ людей, лишь бы они были достаточно развиты, чтобы понять выводы науки, и достаточно религіозны, чтобы по возможности полнѣе примѣнять ихъ къ жизни. За тѣмъ, переходя къ практической дѣятельности, мы видимъ, что какъ бы добросовѣстно ни выполнялъ свои обязанности отдѣльный человѣкъ, онъ, при самомъ началѣ самостоятельной жизни, встрѣчается съ массою нерѣшенныхъ вопросовъ, требующихъ безотлагательнаго приложенія къ жизни; и вотъ ему по неволѣ приходится разрѣшать ихъ гипотетически. Работая дольше, онъ видитъ, что его усилія, легко осуществимыя до извѣстныхъ предѣловъ, встрѣчаютъ затѣмъ роковыя и непреодолимыя препятствія, о которыя разбивается самая мощная энергія. Разумѣется, если онъ знаетъ, что живетъ въ организмѣ и что неподатливость его усиліямъ есть просто инерція всего организма передъ работой одного атома — онъ не будетъ приходить отъ этого въ отчаяніе. Конечно, въ высшей степени желательно, чтобы каждый индивидуумъ отчетливо уяснилъ себѣ границу между областью свободной воли и сферою фатальныхъ явленій, дабы избѣжать напрасной траты силъ; но современная наука безсильна отвѣтить на

этотъ вопросъ и отдѣльная личность обязана разрѣшать его сама, путемъ попытокъ, ошибокъ, разочарованій экспериментально отыскивая линію наименьшихъ сопротивленій. Въ массѣ объективныхъ затрудненій, проистекающихъ отъ несовершенства науки, надо прибавить субъективныя препятствія, вслѣдствіе человѣческихъ слабостей и несовершенствъ. Кромѣ поддержки религіи извнутри, человѣку необходимы поддержка и совѣтъ извнѣ. Прежде, когда онъ вѣрилъ въ бытіе Всемогущаго Отца, онъ могъ надѣяться на силу просьбъ, къ нему возносимыхъ; когда онъ обладалъ горделивымъ сознаніемъ непогрѣшимости своихъ метафизическихъ выводовъ—онъ могъ полагаться на свой умъ; но теперь, когда онъ яснѣе видитъ свою безпомощность и безсиліе своего ума, онъ долженъ находить поддержку въ умственномъ и нравственномъ общеніи съ другими людьми.

Общеніе это всегда практиковалось между людьми, и въ сущности исключительно благодаря ему выработалось все хорошее въ жизни. Къ несчастію, такое общеніе считается дѣломъ второстепенной важности для человѣка, находящагося подъ вліяніемъ теологическихъ и метафизическихъ системъ; теперь ученіе индивидуализма стремится даже совершенно истребить его. „Въ дѣлахъ нравственности судьею каждаго должна быть совѣсть“, горорятъ люди со временъ Лютера. „Частная жизнь каждаго неприкосновенна“, гласятъ современные законы, и вотъ, подъ покровомъ индивидуализма, появляется самая ужаснѣйшая изъ всѣхъ язвъ, когда либо разъѣдавшихъ общество. Толпы лицемѣровъ и безсовѣстныхъ торгашей своей совѣстью безбоязненно надѣваютъ на себя маску учителей и спасителей другихъ. Они дѣлаются монополистами прессы и амвона, обманываютъ довѣрчивыхъ, приводятъ въ

ужасъ людей знакомыхъ съ ихъ частной жизнью и примѣромъ своей позорной и блестящей жизни увлекаютъ за собой все, что слабо душею, что лишено вѣры въ лучшія времена, и не надѣется на торжество правды и справедливости. Чѣмъ гаже чувствуютъ тебя подобные учителя, тѣмъ болѣе стараются они пачкать другихъ: клеветы, инсинуаціи и шантажи сыпятся подъ покровомъ неприкосновенности частной жизни, болѣе чѣмъ когда нибудь... Остановить эту бѣшеную вакханалію разврата можетъ только религія человѣчества, такъ какъ она одна способна выдвинуть впередъ и научно доказать, какъ поразительно вѣрны традиціи народныхъ массъ относительно необходимости общеній и коллективныхъ дѣйствій. Только она можетъ отрезвить хорошихъ людей отъ ихъ безумнаго бреда, доказать имъ, что центръ нравственной тяжести не въ индивидуумѣ, а въ коллективѣ, и потому, если люди хотятъ осуществить что либо хорошее въ жизни, то, предоставленные самимъ себѣ, они должны искать помощи и черпать новыя силы только въ возможно болѣе полномъ общеніи съ людьми.

„Жить открыто“ —говоритъ наша послѣдняя заповѣдь, и въ этихъ словахъ заключается цѣлый рядъ плодотворныхъ идей. Это значитъ, что каждый, исповѣдующій религію человѣчества, долженъ прежде всего стараться о соотвѣтствіи своихъ словъ съ поступками, съ тѣмъ, чтобы никогда не унижаться до уровня современныхъ „дѣятелей“, которые, подобно ворамъ и мошенникамъ, стыдятся и прячутъ свою частную жизнь отъ другихъ. Самая святость частной жизни, о которой такъ много говорятъ индивидуалисты, служитъ только добавочнымъ аргументомъ для того, чтобы она по возможности ярче свѣтилась для блага и назиданія другихъ. Такимъ образомъ, жизнь каж-

даго искренняго слуги человѣчества должна быть переведена изъ темныхъ тайниковъ индивидуализма въ свѣтлый, прозрачный домъ позитивной нравственности, и стать открытою для взора каждаго. Но этого мало.

Если человѣкъ желаетъ искренно поддержки и совѣтовъ отъ другихъ, чтобы узнать отъ нихъ оцѣнку своей жизни и своихъ поступковъ, онъ долженъ открыть двери своего прозрачнаго дома для всѣхъ, которые могутъ быть ему полезны, исповѣдь перестанетъ тогда быть частнымъ дѣломъ между Богомъ и человѣкомъ; она станетъ его обязанностью передъ обществомъ. И чѣмъ болѣе люди сходятся въ своемъ міросозерцаніи, въ своихъ стремленіяхъ и взглядахъ на неразрѣшенные вопросы жизни, тѣмъ полнѣе они должны открываться другъ другу, потому что только при этомъ условіи они съумѣютъ поддерживать другъ друга и наилучшимъ образомъ опредѣлять границы возможнаго осуществленія ихъ общаго идеала. Разумѣется единомысліе людей помогающихъ другъ другу не есть гарантія ихъ безошибочности. Различныя группы позитивистовъ всегда будутъ различно относиться не только къ нерѣшеннымъ вопросамъ, но и къ способу и размѣру практическаго осуществленія одинаковыхъ для всѣхъ истинъ. Въ этой возможности для разнообразной и оригинальной жизни людей, одинаково одушевленныхъ религіознымъ энтузіазмомъ, надо видѣть не недостатокъ, а самую свѣтлую сторону религіи человѣчества. Я говорилъ уже о пользѣ вытекающей изъ разнообразія въ стремленіяхъ различныхъ группъ. Здѣсь я намѣчу только нѣкоторыя послѣдствія, вытекающія изъ заповѣди общенія.

Очевидно, что люди согласные между собой въ практическихъ вопросахъ жизни, будутъ связаны не только чувствомъ симпатіи и единства религіозныхъ воззрѣній, но и

сознаніемъ громадной пользы, вытекающей изъ совмѣстной работы надъ разрѣшеніемъ однѣхъ и тѣхъ же задачъ жизни. Сожительство такихъ людей должно становиться все тѣснѣе и интимнѣе. Исторія изобилуетъ примѣрами братскихъ общежитій между людьми, одушевленными единствомъ религіозныхъ воззрѣній, даже въ томъ случаѣ, когда религіи ихъ признавали и освящали право частной собственности. Тѣмъ скорѣе должны появляться такія братства между позитивистами, такъ какъ религія человѣчества, кромѣ нравственныхъ цѣлей, ставитъ еще необходимость экономическихъ реформъ и въ корнѣ уничтожаетъ всякія претензіи на частную собственность. Люди, вступающіе въ такія братства, будутъ одушевлены желаніемъ полнѣе и всестороннѣе осуществить ученіе своей религіи, и то, что было труднымъ, даже невозможнымъ въ изолированной жизни, будетъ сравнительно легкимъ въ общинѣ, какъ школѣ жизни, какъ духовной семьѣ, въ которой можно найдти самое полное удовлетвореніе всѣмъ альтруистическимъ потребностямъ человѣка. Съ увеличеніемъ числа такихъ людей будетъ увеличиваться и нравственная мощь, вырабатываемая группами позитивистовъ. Міръ хорошо знакомъ съ непреоборимою силою кооперацій, направленныхъ на производство и увеличиваніе матерьяльныхъ богатствъ; позитивистамъ предстоитъ показать міру, какъ должно пользоваться кооперативнымъ началомъ для созданія и роста духовныхъ богатствъ. Замѣтьте, что возможность такихъ богатствъ и ихъ могучее вліяніе какъ на непосредственныхъ участниковъ такъ и на окружающую среду не есть фантазія утописта; я говорю только о томъ, что уже испытано было мною лично. Я утверждаю далѣе, что только подобными братствами возможно привить религію ко всѣмъ слоямъ общества. Даже соціалисты, уставши

отъ безплодныхъ попытокъ создать что либо прочное, увидятъ въ этихъ братствахъ наилучшее разрѣшеніе экономическихъ и нравственныхъ вопросовъ, а простые неученые люди изъ народа, какъ извѣстно, никогда не придаютъ особеннаго значенія догмѣ. Имъ не нужны хитросплетенные аргументы: они слушаютъ только людей, у которыхъ слово совпадаетъ съ дѣломъ.

Первые христіане привлекали къ себѣ массы чистотою личной жизни, выработанной духовнымъ общеніемъ въ церквахъ и братствахъ вѣрующихъ. То же самое мы замѣчаемъ при распространеніи всякаго религіознаго ученія; и позитивная заповѣдь общенія, констатируя факты прошлаго, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніемъ на лучшій способъ осуществленія этого ученія въ настоящемъ и пропаганды его въ будущемъ.

Я старался дать общее понятіе о позитивизмѣ, но по необходимости долженъ былъ упомянуть только вскользь о многихъ существенныхъ его чертахъ, чтобы имѣть возможность подробнѣе останавливаться на вопросахъ, выясняющихъ различіе нашихъ религіозныхъ воззрѣній. Поэтому мое изложеніе религіи человѣчества должно страдать отсутствіемъ цѣлостности. Очень можетъ быть, что въ торопяхъ вкрались даже нѣкоторыя неточности; но я надѣюсь, что вы, со своимъ глубокимъ пониманіемъ человѣческой души, съумѣете дополнить пробѣлы настоящаго письма и исправить мои ошибки. Вы сможете и по моему поверхностному очерку составить себѣ ясное представленіе о моей религіи, и тѣмъ немного облегчить самую тяжелую и непріятную часть моей работы: непосредственный разборъ вашего ученія.

V.

Съ глубокимъ вниманіемъ читалъ я ваши: „Исповѣдь“, „Въ чемъ моя вѣра“ и „Письмо къ другу N. N.; я могъ бы достать и ваше Евангеліе, но не имѣлъ ни надобности, ни желанія читать его. Прочтенное мною не даетъ яснаго понятія о вашемъ ученіи, а потому простите меня за невольныя ошибки въ истолкованіи вашихъ словъ, и по братски разъясните мнѣ мои недоразумѣнія. Иногда мнѣ кажется, что вы строите все на теологическихъ основахъ, т. е. признаете существованіе Бога, одареннаго человѣческими атрибутами, и вѣрите что воля Бога (вы очень часто говорите о волѣ Божіей) открыта намъ въ ученіи Христа. Гораздо чаще я видѣлъ въ васъ желаніе представить ученіе Христа, какъ выраженіе высочайшей мудрости, совершенно независимо отъ его божественнаго происхожденія. Въ подобныхъ случаяхъ, когда вы говорите о непогрѣшимой и абсолютной истинности словъ Христа, мнѣ хочется сказать, что вы стоите на метафизической точкѣ зрѣнія. Наконецъ, когда я читалъ въ вашихъ трактатахъ такъ много прекрасныхъ мѣстъ, полныхъ чистой и возвышенной признательности къ человѣчеству (вспомните, напримѣръ, хоть то мѣсто въ „Исповѣди“, гдѣ вы разсказываете, что васъ спасло отъ самоубійства), когда я видѣлъ, какъ сильно пропитано ваше ученіе разумомъ, какъ мало въ немъ мистическаго — мнѣ невольно приходила въ голову мысль, что ваши симпатіи, вопреки вашимъ умозрѣніямъ, склоняются на сторону позитивной науки и религіи человѣчества. Не зная точно, какъ оріентироваться въ своемъ разборѣ, я долженъ поступать гипотетически, т. е. ста-

вить по очереди каждое изъ своихъ предположеній и прибавлять къ нимъ необходимыя возраженія и разъясненія.

Начну съ предположенія, что вы не отрѣшились еще отъ теологической точки зрѣнія.

Не мнѣ, относящемуся съ уваженіемъ ко всякой религіи, упрекать кого либо за то, что онъ вѣритъ въ откровеніе. Милліоны людей еще безусловно нуждаются въ такихъ религіяхъ. Имъ какъ хлѣбъ нужна еще вѣра во Всемогущаго Отца, который заботится о своихъ дѣтяхъ, выслушиваетъ ихъ просьбы, передаетъ имъ свою мудрость и отечески наказываетъ или награждаетъ по заслугамъ. Такія религіи до сей поры благодѣтельно вліяютъ на массы. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что проповѣдники религіи откровенія должны лучше выяснить себѣ, кому и какъ проповѣдывать ее. Они должны знать, что люди высшаго умственнаго развитія *никогда* не примутъ религіи, противной всему складу ихъ мыслей и симпатій. Интеллигентные классы Европы критически относятся къ религіи откровенія. Они часто грѣшатъ даже тѣмъ, что не хотятъ признать прежнихъ ея заслугъ, но они глубоко правы, указывая на ея существенные недостатки. Разумъ и исторія одинаково учатъ насъ, что обладатель Божьей мудрости (за исключеніемъ развѣ самыхъ чистыхъ, исключительныхъ личностей) не можетъ быть снисходителенъ къ людямъ другихъ мнѣній, и не можетъ не противодѣйствовать наукѣ, когда она начинаетъ подрывать основы его религіи. Антипатія современныхъ индивидуалистовъ къ религіи откровенія можетъ осуждаться съ точки зрѣнія безстрастнаго философа, но такая антипатія несомнѣнно существуетъ, и даже легко объясняется тѣмъ, что теперь, во время упадка религіи, добро, вносимое ею въ сердца простыхъ людей, слишкомъ слабо и незамѣтно въ сравненіи со зломъ,

проистекающимъ отъ хроническаго противодѣйствія прогрессу жизни и науки. Легче заставить рѣки потечь къ своимъ источникамъ, чѣмъ привить христіанскую теологію къ европейской интеллигенціи. Религія откровенія можетъ проповѣдываться только для одной части общества, но она не можетъ удовлетворить всего общества и безсильна разрѣшить тѣ сомнѣнія и вопросы, которыми волнуется современный міръ.

Перейду теперь къ предположенію, что вы еще вѣрите въ возможность абсолютной истины. („Вся истина въ ученіи Христа", говорите вы въ X-мъ отдѣлѣ „Исповѣди").

Исходя изъ той мысли, что вы смотрите на христіанство съ метафизической точки зрѣнія, я могу коснуться до вашего ученія не иначе какъ почтительнымъ и серьезнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что эта точка зрѣнія господствуетъ теперь въ современномъ обществѣ. Если ваше ученіе могло бы повліять на умъ и сердце индивидуалистовъ и было способно сдѣлать ихъ чище, добрѣе, честнѣе, то я не оспаривалъ бы вашихъ положеній и радовался бы вашей пропагандѣ. Посмотримъ, однако, на сколько она удовлетворяетъ этой цѣли.

Прежде всего должно замѣтить, что вѣра въ абсолютную мудрость Христа идетъ въ разрѣзъ съ нашимъ понятіемъ о прогрессѣ. Выходитъ, что человѣчество въ продолженіи 1850 лѣтъ не могло ничего прибавить къ ученію Христа, не выработало ничего лучшаго, и все какъ бы топчется на одномъ мѣстѣ. Не вѣроятнѣе ли предположить, что люди, пытающіеся поставить ученіе Христа вровень съ нашимъ вѣкомъ, повторяютъ психическую аберрацію литературнаго критика, когда, подъ вліяніемъ извѣстныхъ настроеній, онъ приписываетъ автору тѣ идеи, которыхъ онъ никогда не имѣлъ въ виду. Человѣкъ мо-

жетъ вѣрить въ безусловную мудрость Христа, если ему это пріятно или полезно; но полагать, что всѣ должны глядѣть на ученіе Христа подъ такимъ же угломъ зрѣнія, равносильно заблужденію человѣка, который, въ видахъ своего личнаго здоровья, надѣлъ синіе очки, а затѣмъ увѣряетъ, что всѣ люди должны видѣть всѣ предметы окрашенными въ синій цвѣтъ. Люди теперь отлично знаютъ, что ни одинъ человѣкъ, какъ бы онъ геніаленъ ни былъ, не можетъ стать выше своего вѣка, что заблужденія и суевѣрія того времени должны отразиться на его мысляхъ и произведеніяхъ. Всякая попытка представить ученіе Аристотеля или Платона верхомъ совершенства и выраженіемъ безусловной истины была бы до крайности смѣшна. Гораздо честнѣе и естественнѣе указывать на великія заслуги этихъ людей, на ихъ геніальныя мысли, но въ то же время не скрывать, не подчищать тѣхъ сторонъ ихъ ученія, въ которыхъ выразились невѣжество и неразвитость того времени. Отчего же такое ясное правило, естественно примѣнимое ко всѣмъ людямъ безъ исключенія, не должно быть приложимо къ Христу? отчего въ немъ одномъ видѣть исключеніе изъ общаго правила?

До настоящаго времени, всѣ попытки раціонально объяснить ученіе Христа, даже при помощи очевидныхъ натяжекъ, дѣлались людьми признающими Христа Богомъ. Имъ, разумѣется, было неловко видѣть ошибки тамъ, гдѣ по ихъ предположенію должна быть одна божеская непогрѣшимость. Но когда подобныя попытки совершаются людьми признающими Христа человѣкомъ, невольно зарождается вопросъ: что побуждаетъ ихъ къ очевидному нарушенію самыхъ элементарныхъ требованій науки и справедливости? На это только можетъ быть одинъ отвѣтъ: эти люди хотятъ воспользоваться христіанской ре-

лигіей, какъ силою уже сроднившеюся съ людьми, съ тѣмъ, чтобы, не прибѣгая къ радикальной ломкѣ, путемъ маленькихъ поправокъ, дополненій, и сокращеній видоизмѣнить ее и сдѣлать годною и на будущее время. Задача безспорно достойная великаго ума и великаго сердца. Но я долженъ сказать, что она не подъ силу никому, ни даже вамъ, Левъ Николаевичъ.

Желая очистить христіанство и поставить его вровень съ требованіями нашего вѣка, вы отрицаете безсмертіе души, божественное происхожденіе Христа, не считаете нужнымъ, какъ мнѣ кажется, просить что либо у Бога (хотя при вѣрѣ въ волю Бога всемогущаго должна быть и вѣра въ силу молитвы, какъ просьбы) и настаиваете на энергической дѣятельности здѣсь на землѣ. Такъ или иначе вы находите всѣ эти прекрасныя мысли въ ученіи Христа и говорите: вотъ гдѣ вся истина, вотъ моя религія. Находя утѣшеніе въ подобномъ истолкованіи христіанства и искренно желая добра другимъ, вы разумѣется стараетесь, чтобы и другіе усвоили вашу точку зрѣнія, чтобы и они укрѣпились духомъ. Но я утверждаю, что ваши усилія возстановить христіанство въ очищенномъ видѣ непремѣнно приведутъ къ погибели всякаго христіанства (языческаго или очищеннаго—это все равно). Защитники православія инстинктивно чувствуютъ это; и потому критика ихъ имѣетъ большую дозу истины. Я не стану говорить вмѣстѣ съ богословами, что вы ослабляете догматъ искупленія и лишаете людей силы благодати. Я просто переведу богословскіе термины на языкъ современной науки и философіи, и скажу, что отвергая божественное происхожденіе Христа, вы разрушаете самую сильную опору христіанства, и именно тѣ симпатическія вліянія, которыя дѣйствовали на душу вѣрующаго при лицезрѣніи Христа

Бога, добровольно идущаго на позорную казнь. Висѣльниковъ и казненныхъ за идеи мы имѣемъ очень много; но висѣльникъ Христосъ по преимуществу очаровываетъ вѣрующихъ, потому что онъ Богъ, который могъ бы въ одно мгновеніе ока созвать вокругъ себя легіоны ангеловъ, стереть съ лица земли все ему противящееся и даже безо всякаго ущерба для себя всю землю со всѣмъ живущимъ на ней. Вотъ почему люди, пораженные величіемъ духа и самоотверженіемъ Христа, съ умаленіемъ и покорностью выслушиваютъ заповѣди распятаго на крестѣ и, движимые благоговѣйнымъ чувствомъ признательности и подражанія, стремятся посильно выполнять ихъ. Чарующая сила христіанской религіи не въ образѣ Бога-Отца, торжественно сидящаго на престолѣ, а въ образѣ Бога-Сына, умирающаго на крестѣ. Вы уничтожаете божественное происхожденіе Христа, и взамѣнъ того что же оставляете милліонамъ людей, нуждающихся еще въ христіанствѣ? — Вѣру въ непостижимаго Бога, плюсъ нравственную философію мудрѣйшаго изъ мудрыхъ, Христа. Но я уже говорилъ, что одно созерцаніе безконечнаго не даетъ нравственныхъ импульсовъ, а человѣкъ Христосъ, не смотря на ваши усилія поставить его выше всѣхъ людей, не можетъ подѣйствовать на сердце невѣрующаго сильнѣе Сократа, Конфуція, Будды и другихъ, и уже навѣрное не окажетъ ни какого дѣйствія на тѣхъ, которые привыкли видѣть въ немъ Бога.

Если для улучшенія нравственности вы хотите пользоваться христіанской религіей, то не сводите Христа съ пьедестала, на которомъ онъ стоитъ уже болѣе 1850 лѣтъ. Это вредно и безжалостно. А если вы чувствуете, что легендарные разсказы о Христѣ не подѣйствуютъ болѣе на тѣхъ людей, которымъ вы хотите проповѣдывать истину

и которымъ вы открыли вашу великую душу, вы должны обратить вниманіе на человѣчество—это могучее содержаніе всѣхъ великихъ людей безъ исключенія, всѣхъ геніальныхъ мыслей и дѣяній,— на человѣчество, которое нетолько сохраняетъ симпатическое для васъ ученіе Христа, но и обогащаетъ его позднѣйшими пріобрѣтеніями нравственности и науки. Чтобы помочь другимъ и положить конецъ нравственному разложенію, вы должны были бы стать или на сторону „православнаго“ христіанства или открыто исповѣдать религію человѣчества. Но вы остановились на серединѣ. Пытаясь очистить христіанскую религію, вы уничтожаете въ ней человѣческій (симпатическій) элементъ, т. е. самую существенную и необходимую часть всякаго религіознаго ученія и такимъ образомъ низводите свое ученіе съ высоты религіи на уровень голаго нравственнаго кодекса. А нравственный кодексъ, какъ вамъ извѣстно, не въ состояніи затронуть сердца людей. Ему повинуются до тѣхъ поръ, пока онъ не сталкивается съ эгоистическими влеченіями людей. И вы, послѣ всѣхъ компромиссовъ, все таки не достигаете своей главной цѣли: вы не въ состояніи дать людямъ религію, способную руководить ихъ жизнью.

Очень можетъ быть, что такой выводъ покажется вамъ неосновательнымъ. До тѣхъ поръ, пока вы не сознаете необходимость и силу человѣческаго (симпатическаго) элемента религіи, вы будете возлагать свои главныя надежды на мудрость и абсолютную безошибочность ученія Христа; а потому я долженъ перестать указывать на отсутствіе симпатическаго элемента, какъ на самую слабую сторону вашего ученія, и перейдти къ тому, что, по вашему, составляетъ его неотразимую силу.

Вы суммируете ученіе Христа въ пять заповѣдей: не

сердись, не блуди, не клянись, не защищайся насиліемъ, не воюй. Всѣ онѣ начинаются частицею *не*; всѣ онѣ говорятъ, чего не нужно дѣлать. Но вѣдь всякій живой человѣкъ (если онъ не анахоретъ) имѣетъ какое нибудь занятіе въ жизни; ему недостаточно знать, чего ему не слѣдуетъ дѣлать, ему важно знать какъ держать себя въ разнообразныхъ проявленіяхъ практической жизни, оставаясь при этомъ вѣрнымъ христіанскому ученію. Христосъ пытался было дать совѣтъ богатому человѣку (раздай свое имущество бѣднымъ и иди за мной) но въ этомъ совѣтѣ болѣе всего высказалась непрактичность христіанства, его безсиліе совладать съ вопросами жизни. Теперь многіе, если не всѣ, видятъ и понимаютъ вредъ благотворительности, если она ограничивается раздачею имущества бѣднымъ. Богатство въ раздробленномъ видѣ теряетъ способность создать прочныя раціональныя улучшенія въ жизни; кромѣ того, оно переходитъ часто отъ хорошаго человѣка къ дурнымъ, которые будутъ злоупотреблять имъ *). Вмѣсто того, чтобы исправить ошибку Христа, вы идете еще далѣе въ этомъ направленіи. Вмѣсто практическаго совѣта людямъ, поставленнымъ у колеса жизни, вы проповѣдуете повальное бѣгство и говорите имъ: не будь судьей, ни воиномъ, ни администраторомъ, ни капиталистомъ...

Я глубоко сочувствую тѣмъ намѣреніямъ и чувствамъ, которыя руководили вами при сводѣ христіанскаго ученія въ пять отрицательныхъ заповѣдей. Изъ предыдущаго изложенія позитивизма вы видѣли, какъ много я согласенъ съ вами; но вы видѣли также, почему я не могу согласиться съ безусловнымъ непротивленіемъ злу (отд. II, стр.).

*) Будучи самъ бѣднымъ, все время живя съ бѣдными, я могу смѣлѣе другихъ сказать, что бѣдность еще не есть патентъ на добродѣтель. Количественное отношеніе гадости, низости и эгоизма къ числу людей одинаково какъ между бѣдными, такъ и между богатыми.

Въ то время, какъ позитивисты учатся подчинять свои симпатіи выводамъ науки и стремятся выработать нравственный кодексъ для практической жизни, метафизики, черезъчуръ полагаясь на свободную волю и влеченіе своего духа, каютъ все, что имъ не нравится и предъявляютъ невыполнимыя требованія нравственности.

Знаете ли, какъ жизнь отвѣчаетъ на подобныя ученія? Она обходитъ ихъ. Ученіе идеалиста Христа, подобно ученіямъ многихъ идеалистовъ евреевъ того времени, навѣрно вымерло бы безъ всякаго вліянія на исторію, если бы не появился апостолъ Павелъ, успѣвшій примѣнить христіанство къ жизни, привить его къ язычникамъ, организовать его и придать ему силу обновляющаго элемента въ дряхлѣющей цивилизаціи Рима. Вы говорите, что апостолъ Павелъ исказилъ христіанство. Допустимъ это; но безъ подобнаго искаженія оно не принесло бы никакой пользы для человѣчества. Идеальное христіанство, напримѣръ, проповѣдовало братство всѣхъ людей, но оно было невыполнимо въ то время, когда религіи всѣхъ странъ воспитывали національную исключительность *). И вотъ, практическое христіанство, организованное апостоломъ Павломъ, идетъ на компромиссы, допускаетъ даже войну, за то успѣваетъ сплотить въ одно духовное братство всѣхъ вѣрующихъ уже независимо отъ ихъ національностей. Впослѣдствіи Франція, Англія, Германія, Италія стали дѣтьми одного духовнаго отца; короли ихъ повиновались одному слову папы, и это половинчатое братство на много облегчило трудную работу человѣчества въ дѣлѣ сознательнаго сплоченія всѣхъ людей во едино. Чистое

*) У римлянъ, благодаря ихъ успѣху въ дѣлѣ сплоченія цивилизованныхъ народовъ (кромѣ Индіи и Китая) національная исключительность была менѣе развита, чѣмъ у грековъ и евреевъ. Римскія войны служили подготовительною школою для выработки идеи братства всѣхъ людей.

христіанство, вы говорите, проповѣдуетъ воздержаніе отъ всѣхъ общественныхъ должностей. Но отойдти всѣмъ людямъ отъ дѣлъ, необходимыхъ для общества, значитъ погубить общество, и вотъ, общественный организмъ, въ силу врожденнаго инстинкта самосохраненія, принимаетъ искаженное христіанство апостола Павла, которое освящаетъ всѣ общественныя должности. позволяетъ каждому оставаться на своемъ мѣстѣ, и, хоть съ грѣхомъ пополамъ, а все таки понемногу исправляетъ людей.

Идеальное христіанство такъ же непримѣнимо къ жизни теперь, какъ было непримѣнимо 18 вѣковъ тому назадъ. Прежде оно было обойдено инстинктивно; теперь его нужно обходить сознательно, какъ ученіе не вполнѣ соотвѣтствующее требованіямъ времени. Людямъ надобное ученіе, которое не будетъ безусловно охуждать то, что еще необходимо для общества, и которое не станетъ жертвовать ради отвлеченнаго господства идей, непримѣнимыхъ къ практической жизни, основываясь на несоотвѣтствіи вашего христіанства съ законами объективной природы, я рѣшаюсь вырвать изъ себя слова, которыя мнѣ самому страшно выговорить. Я знаю, что я долженъ высказать ихъ передъ чистымъ и честнымъ человѣкомъ, многимъ старше меня и неизмѣримо талантливѣе... Но именно въ виду вашего превосходства, въ силу вашего громаднаго вліянія на другихъ, я долженъ высказаться: во имя того, что одинаково дорого для насъ, во имя хорошихъ людей, которые полны довѣрія къ вамъ, я умоляю васъ пріостановить пропаганду своихъ религіозныхъ воззрѣній. То, что извинительно было великому плотнику изъ Назарета, не простительно въ наше время. Учитель нравственности не можетъ игнорировать больше науку, иначе онъ принесетъ болѣе вреда чѣмъ пользы. Помните, что я говорилъ о великомъ назначеніи учителя,

о томъ, что всегда будутъ люди, которымъ удобнѣе и легче выслушивать окончательный выводъ науки, чѣмъ добиваться до него самимъ? Это обстоятельство налагаетъ на учителей нравственности обязательство не говорить ничего, что можетъ ввести людей въ заблужденіе. Чѣмъ чище учитель, тѣмъ сильнѣе его вліяніе на другихъ, а потому тѣмъ осторожнѣе долженъ онъ пользоваться своимъ вліяніемъ. Вы болѣе другихъ подходите къ нашему типу учителя. Тысячи людей смотрятъ на васъ, какъ на предтечу нравственнаго возрожденія Россіи, поэтому вы болѣе другихъ должны остерегаться ошибки.

Неужели васъ не остановятъ очевидные выводы соціологіи, доказывающіе, что общества должны проходить черезъ извѣстныя стадіи развитія, независимо отъ того, нравится ли намъ это или нѣтъ? Неужели въ васъ не промелькнетъ мысль, что всякое ученіе, огульно осуждающее процессы органическаго развитія общества, должно внести массу вреда, въ особенности для послѣдователей такого ученія?

Разумѣется, если въ васъ нѣтъ никакихъ сомнѣній и вы твердо убѣждены въ томъ, что путь вами избранный есть путь, на которомъ вы принесете наибольшую пользу, вы, не внимая моимъ просьбамъ, должны смѣло и честно продолжать свое дѣло. Но если вы не имѣете той увѣренности, если мое искреннее слово хоть въ слабыхъ чертахъ покажетъ вамъ возможность ошибки съ вашей стороны и невольнаго вреда для другихъ, — вы обязаны пріостановить пропаганду чистаго христіанства, пока не помирите его съ законами соціологіи. Иначе вы только будете продолжать тотъ мучительный разрывъ между религіей и наукой, которымъ мы страдаемъ уже 300 лѣтъ.

Боль, съ которою я пишу эти слова, облегчается толь-

ко глубокою надеждою, что я ни въ какомъ случаѣ не лишусь вашей помощи. Даже если вы не выступите нашимъ учителемъ въ качествѣ философа, вы обязаны учить насъ вѣчнымъ законамъ нравственности, поддерживать насъ, согрѣвать наши сердца, какъ великій художникъ. Вы не можете зарывать навсегда таланты, данные вамъ человѣчествомъ: они не ваши.

Я понимаю ваше отвращеніе отъ литературной дѣятельности, когда она руководится тщеславіемъ и эгоизмомъ; я согласенъ также, что вы не должны были писать, пока чувствовали въ себѣ слабости современныхъ писателей, но изъ вашихъ послѣднихъ трактатовъ становится очевиднымъ одушевляющее васъ чувство любви къ ближнему и желаніе принести посильную пользу. Отчего же вы отказываетесь приносить пользу въ той сферѣ, гдѣ вы безусловно, гигантски сильны? Я, который осмѣливаюсь вызывать васъ на единоборство въ сферѣ науки, я не болѣе какъ нищій относительно васъ въ сферѣ поэзіи. Мнѣ остается только протянуть руку и просить васъ, человѣчества ради, не оставить меня безъ духовной пищи, особенно теперь, когда такъ мало людей, подобныхъ вамъ; когда моею просьбою я выражаю желаніе тысячъ людей, подобныхъ мнѣ!

Вы дошли до отрицанія матерьяльной собственности; вы должны сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ и вмѣстѣ съ позитивистами отрицать умственную и духовную собственность. Если вы считаете преступнымъ отвернуться отъ протянутой руки нищаго, просящаго у васъ нѣсколько копѣекъ, то неужели у васъ достанетъ рѣшимости присвоить себѣ исключительное владѣніе духовными богатствами человѣчества и не помогать тысячамъ обдѣленныхъ духовно братьевъ?

VI.

До сихъ поръ я ставилъ возраженія и мысли вытекающія изъ обыкновеннаго разбора вашего ученія, изъ его несоотвѣтствія съ фактами науки. Теперь я долженъ усилить свои возраженія субъективнымъ разборомъ, т. е. анализировать вліяніе вашего ученія на души послѣдователей.

1) Прежде всего я долженъ сказать, что всякое ученіе, опирающееся на абсолютную безошибочность своихъ положеній, имѣетъ свойство ослѣплять умъ человѣка, увеличивать его глухоту къ возраженіямъ извнѣ, усиливать его нетерпимость. Далѣе, такое ученіе всегда оправдываетъ животные инстинкты его прозелитовъ, когда они, движимые убѣжденіемъ въ безошибочности своихъ мнѣній, совершаютъ насилія надъ людьми несогласными съ ними.

Въ сущности мы всѣ одарены этими недостатками въ большей или меньшей степени и никакое нравственное ученіе не можетъ сразу искоренить ихъ. Тѣмъ не менѣе, при разборѣ всякой религіи мы должны опредѣлить, на сколько она способствуетъ или препятствуетъ развитію нашихъ животныхъ инстинктовъ. Разбирая съ этой точки зрѣнія вашу религію, я утверждаю, что она приноситъ громадный вредъ.

Ни ваша личная терпимость, ни чистота души вашихъ послѣдователей не могутъ поколебать этого приговора, такъ какъ онъ основанъ на опытѣ и жизни человѣчества во всѣ времена. Костры инквизиціи въ прошломъ, тюрьмы и ссылки въ настоящемъ одинаково доказываютъ, какъ легко могутъ люди давать просторъ животнымъ инстинктамъ, прикрываясь крестомъ своего спасителя. Индивиду-

алисты видятъ въ этихъ фактахъ неизбѣжныя послѣдствія всякой религіи; мы же утверждаемъ, что они всегда появляются у людей убѣжденныхъ въ обладаніи безусловною истиною и что поэтому нетерпимость и насиліе надъ людьми противныхъ мнѣній вовсе не есть монополія религіи откровенія. Этими свойствами страдаютъ всѣ метафизическія ученія. Либералы, которые часто такъ жестоко и несправедливо смѣются надъ вѣрующими въ откровеніе Бога, по своей нетерпимости ничѣмъ не уступаютъ своимъ противникамъ. Достаточно вспомнить о гильотинахъ, воздвигаемыхъ во имя братства, равенства и свободы; достаточно видѣть ту лютую ненависть, съ которою соціалисты накидываются на людей несогласныхъ съ ними, чтобы убѣдиться, что даже самыя чистыя и высокія стремленія, сформированныя въ видѣ метафизическихъ абстракцій, могутъ обратить человѣка въ звѣря.

Достоинство всякаго ученія должно опредѣляться не жизнію его первыхъ послѣдователей, а болѣе или менѣе благодѣтельными его вліяніями на духовное развитіе массъ. А такъ какъ ваше ученіе выдаетъ себя за непогрѣшимое, оно непремѣнно должно повліять развращающимъ образомъ на огромное большинство людей, еще не освободившихся отъ нетерпимости, привитой къ нимъ цѣлыми вѣками христіанства и опытомъ революціонной метафизики. Не говорите мнѣ, что заповѣди: не сердись, не свершай насилія, и т. п., способны остановить зло. Подобныя заповѣди существовали съ незапамятныхъ временъ, но ими только вносилась двойственность въ религіи откровенія. Ваше ученіе тоже двойственно; одной стороной (обладаніе абсолютной истиной) оно увеличиваетъ самоувѣренность и нетерпимость своихъ послѣдователей; другою стороной (заповѣдь альтруизма) оно развиваетъ ихъ хорошія качества.

И если ваше ученіе будетъ принято людьми, оно произведетъ такой же двойственный эфектъ, который мы замѣчаемъ во всѣхъ религіяхъ откровенія. Хорошіе люди придадутъ особенное значеніе заповѣдямъ альтруизма и будутъ руководиться ими въ своей жизни; дурные люди воспользуются непогрѣшимостью своей религіи, чтобы ею оправдать свои животные инстинкты насилія надъ всѣми несогласными съ нимъ.

Религія, чтобы быть вполнѣ полезнымъ пособіемъ для человѣчества, ни въ какомъ случаѣ не должна имѣть этой двойственности и не давать возможности и предлога людямъ гнуть ее въ ту или другую сторону. Человѣчество еще долго не отдѣлается отъ жестокихъ людей, неспособныхъ къ терпимости; но мы вправѣ требовать, чтобы они не смѣли прикрывать религіей свои гнусные поступки. Нужно ли говорить, что для выполненія этого требованія, религія должна навсегда отказаться отъ всякихъ притязаній на обладаніе безусловной истиной?

2) Хотя вы отрицаете возможность полнаго и абсолютнаго счастія на землѣ, но такъ часто говорите о личномъ счастіи, такъ глубоко вѣрите, будто ученіе Христа заключаетъ въ себѣ всецѣло все необходимое для такого счастія, что ваши послѣдователи невольно поддаются очарованію вашихъ словъ. Усталое, замученное трудностями жизни, несоотвѣтствующими ихъ идеалу, они съ жадностью кидаются на все, что можетъ дать имъ желанный отдыхъ. Но они не найдутъ этого отдыха, и ихъ разочарованіе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ полнѣе была надежда пробужденная вашимъ ученіемъ.

Въ первой половинѣ письма я счелъ необходимымъ подробно анализировать теорію личнаго счастія съ объективной точки зрѣнія, т. е., исходя изъ понятія, что человѣ-

чество есть органическое существо. Здѣсь я дополню этотъ анализъ субъективнымъ очеркомъ процессовъ, которые должны происходить въ душѣ искателя личнаго счастья. Я могу сказать свое слово потому, что самъ переживалъ эти процессы. Тяжелой цѣной невыразимыхъ страданій я отдѣлался наконецъ отъ метафизическихъ увлеченій, и, зная по опыту какъ они опасны, считаю себя въ правѣ предостеречь людей, слѣпо идущихъ этимъ путемъ къ погибели.

Я живо себѣ представляю человѣка, одушевленнаго желаніемъ принесть добро и пользу, но вовсе не сознающаго роковыхъ условій, наложенныхъ на него органическимъ ростомъ общества. Онъ увлеченъ идеальными стремленіями, вѣритъ въ абсолютную свободу духа, убѣжденъ въ возможности отрѣшиться отъ дурнаго прошлаго и сразу создать новыя совершенныя формы жизни. Онъ съ жадностью прислушивается къ словамъ уважаемаго учителя, который дѣлитъ всѣ занятія на безусловно-вредныя и безусловно-полезныя и говоритъ ему: удались отъ зла и сотвори благо. Такому человѣку остается одно изъ двухъ: или оставаться въ той обстановкѣ, которую онъ считаетъ вредною и вѣчно страдать, вѣчно корить себя за слабость, или отказаться отъ обязанностей судьи, воина, администратора, капиталиста... Но куда идти? Устроить жизнь по своему идеалу и жить анахаретомъ, независимо отъ другихъ, можно только для тѣхъ немногихъ, которые вполнѣ обезпечены матерьяльно. Большинство идеалистовъ, чтобы жить, должно идти въ рабочіе. Но какъ скоро проходитъ ихъ экстазъ и праздничное настроеніе, они начинаютъ знакомиться съ тысячами фактовъ, обнаруживающихъ всю безнравственность и мерзость, сопряженную съ жизнью рабочаго люда. Убѣгая отъ присяги изъ опасенія

запродать свою жизнь въ будущемъ, онъ принужденъ запродавать свою жизнь въ раздробь, по „рыночнымъ цѣнамъ“ и выполнять работы, направленныя ко вреду людей. Еще если онъ одинокъ, то пока здоровъ и способенъ выносить лишенія, онъ можетъ имѣть нѣкоторую свободу въ выборѣ занятій. А если у него на рукахъ мать, жена, дѣти? Если у него нѣтъ богатыхъ друзей, могущихъ содержать его?...

Избѣгнувши противорѣчій и сомнѣній привиллегированной жизни, онъ начинаетъ видѣть, что и жизнь рабочаго точно такъ же полна неразрѣшимыхъ противорѣчій. Онъ поставилъ себя въ обстановку неблагопріятную для осмысленной жизни, а между тѣмъ тысячи вопросовъ семейной, общественной, экономической и политической жизни подымается передъ нимъ и передъ этой обстановкой, неотложно требуя яснаго и сознательнаго рѣшенія. То метафизическое настроеніе, которое заставляло его видѣть зло только среди людей привиллегированнаго положенія, указываетъ ему на зло, вырабатываемое имъ самимъ въ положеніи рабочаго. Почти на каждомъ шагу своей жизни онъ видитъ, что неправда, совершаемая сверху, была бы немыслима безъ согласія и поддержки снизу. Не тотъ только воръ, кто воруетъ — вспоминается тогда ему мудрая русская пословица — но и тотъ, кто лѣстницу подставляетъ. Онъ съ ужасомъ видитъ, что чѣмъ развитѣе рабочій, тѣмъ онъ яснѣе замѣчаетъ несоотвѣтствіе между дѣйствительностью и своимъ идеаломъ, тѣмъ ужаснѣе становится его положеніе. Можетъ ли онъ убѣжать отъ зла? Не мучится ли онъ теперь неудовлетворенностью жизни еще сильнѣе, чѣмъ прежде? Гдѣ то счастіе, которое должно было снизойдти на него, обладателя всей истины? И вотъ, какъ естественный результатъ чрезмѣрныхъ и не-

удовлетворенныхъ ожиданій, въ немъ появляется гнетущее сомнѣніе, апатія, отчаяніе, и если религія человѣчества не осѣнитъ своевременно его измученной души, онъ можетъ легко кинуться во всѣ нелегкія: начать или пьянствовать, или наживаться...

Отойдемъ отъ этой грустной, хорошо мнѣ знакомой картины. Она слишкомъ напоминаетъ мнѣ сотни погибшихъ такимъ образомъ людей; притомъ она требуетъ вашей кисти, чтобы быть изображенной съ надлежащею силою. Я набросалъ ее въ грубыхъ чертахъ, для того чтобы показать, что теорія личнаго счастія не только безполезна по недостижимости задачи (объ этомъ было сказано въ первой половинѣ письма), но положительно вредна, потому что растлѣваетъ души хорошихъ людей.

Христіанство (понимая подъ этимъ словомъ ученія апостола Павла и отцевъ церкви) инстинктивно чувствовало невозможность личнаго счастія на землѣ и обѣщало награду въ загробной жизни. Этимъ tour de force оно предохраняло своихъ послѣдователей отъ разочарованій, дало имъ болѣе трезвый взглядъ на жизнь, дало болѣе устойчивости во всѣхъ жизненныхъ невзгодахъ. Въ этомъ отношеніи существующее христіанство, хотя бы и искаженное, стоитъ гораздо выше вашего христіанства, которое пробуждаетъ въ людяхъ стремленіе къ личному счастію на землѣ, но, за невозможностью осуществить его, должно приводить своихъ послѣдователей къ горькимъ разочарованіямъ.

3) Я говорилъ, что метафизическіе методы мышленія часто приводятъ къ нетерпимости, а погоня за личнымъ счастіемъ — къ разочарованію большаго или меньшаго числа послѣдователей возобновленнаго христіанства. Въ заключеніе укажу на тотъ недостатокъ, который хотя и

уступаетъ первымъ двумъ въ интенсивности вліяній на отдѣльнаго человѣка, но становится тѣмъ опаснѣе, что неотразимо вліяетъ на всѣхъ послѣдователей безъ исключенія.

Основное положеніе идеальнаго христіанства: не противься злу. Естественный практическій выводъ изъ него: бѣги отъ зла, если не долженъ противиться ему. Затѣмъ, прикладывая чисто-субъективныя метафизическія мѣрки къ тѣмъ или другимъ занятіямъ и раздѣляя ихъ на абсолютно-вредныя и полезныя, ученіе это говоритъ уже съ большею опредѣленностью, какія занятія должны избѣгаться. Я не буду повторять, почему вся эта система, хоть и логически построенная, отъ начала до конца не соотвѣтствуетъ законамъ органической жизни. Укажу только на психическія вліянія такого міровоззрѣнія.

Человѣкъ, бѣгающій отъ зла, невольно начинаетъ представлять себѣ зло, какъ непреоборимую силу. Запрещеніе приступать къ извѣстнымъ занятіямъ вноситъ въ сознаніе человѣка мысль, что разъ поставленный въ дурную, по его мнѣнію, обстановку, онъ уже не въ состояніи сдѣлать ничего хорошаго и непремѣнно погибнетъ нравственно. Люди, подъ вліяніемъ такого ученія, пріучаются смотрѣть на зло, какъ на заразу, отъ которой нѣтъ никакого лекарства, которая поражаетъ всякаго, кто подходитъ къ ней и отъ которой можно только бѣжать. Ученіе это какъ бы возобновляетъ ошибочную мысль Роберта Оуэна, будто нравственность человѣка зависитъ отъ вліянія внѣшнихъ обстоятельствъ. Оно пренебрегаетъ общественными фактами исторіи, которые показываютъ, какъ съ улучшеніемъ исполняющихъ общественныя должности измѣнялся характеръ общественныхъ формъ и какъ измѣненіе формъ доходило часто до ихъ полнаго уничтоженія, безъ всякаго вмѣша-

тельства со стороны закона (освобожденіе рабовъ въ Европѣ), несмотря на то, что перемѣны эти совершались подъ вліяніемъ весьма обыкновенныхъ людей, безсознательно участвующихъ въ дѣлѣ прогресса. Вмѣсто того, чтобы, на основаніи этихъ фактовъ, доказывать людямъ возможность гораздо болѣе быстраго измѣненія формъ, если за выполненіе общественныхъ обязанностей сознательно принялись бы лучшія люди, вы говорите своимъ послѣдователямъ: бѣгите отъ этихъ обязанностей, чтобы не загрязнить себя. Вы внушаете имъ какой-то ужасъ передъ грязью, обыкновенно сопровождающею всѣ жизненные процессы; вы дѣлаете ихъ черезъ чуръ брезгливыми и потому не пригодными ни къ какой практической дѣятельности. Въ то время какъ одна сторона возобновленнаго христіанства доводитъ вѣру въ мощь духа до крайности, до пренебреженія законовъ природы, другая сторона этого ученія заставляетъ человѣка смотрѣть на себя какъ на пассивную игрушку внѣшнихъ обстоятельствъ, и губитъ въ немъ всякое довѣріе къ своимъ силамъ, противудѣйствіе двухъ ошибочныхъ стремленій естественно въ вашемъ ученіи: оно слишкомъ забрасывается въ одну крайность и, какъ бы чувствуя потребность въ противувѣсѣ, накидывается на столь же ошибочную противоположную крайность. Тѣмъ не менѣе, борьба противоположныхъ стремленій будетъ роковымъ образомъ переплетаться со всею жизнью человѣка, принявшаго это ученіе и пагубно отражаться на всѣхъ его поступкахъ. Во всемъ должна появиться раздвоенность чувствъ, нерѣшительность; а съ потерею внутренняго единства уже не можетъ вырабатываться стойкость и энергія, необходимая для осуществленія какой бы то ни было задачи жизни.

Непослѣдовательность вашего ученія будетъ дѣйство-

вать тихо, незамѣтно, но постоянно на всѣхъ вашихъ учениковъ. Она не приведетъ къ рѣзкимъ проявленіямъ нетерпимости или разочарованія, за то внесетъ разслабленность и подточитъ въ корнѣ всякую возможность привить практически это ученіе къ жизни.

VII.

Посмотрите теперь на субъективную сторону религіи человѣчества, и скажите, не лучше ли она удовлетворяетъ вашимъ стремленіямъ?

Настоящая неподдѣльная терпимость возможна только тамъ, гдѣ безусловными истинами считаются безспорные выводы науки, и гдѣ, по всѣмъ спорнымъ вопросамъ, никто не можетъ присвоить себѣ монополіи непогрѣшимости. Такая нетерпимость вытекаетъ изъ самой сущности религіи человѣчества (отд. II). Она такъ широка, такъ безпредѣльна, что мы едва ли можемъ представить себѣ возможность ея полнаго осуществленія даже въ далекомъ будущемъ; а въ настоящее время она остается недостижимымъ идеаломъ даже для самыхъ лучшихъ людей. Тѣмъ не менѣе, люди, одушевленные религіознымъ чувствомъ любви и признательности къ человѣчеству, будутъ видѣть во всякомъ проявленіи нетерпимости ударъ дорогому существу, задержку его развитія. Они поэтому всегда будутъ стараться подойти какъ можно ближе къ идеальной терпимости и во всякомъ случаѣ не будутъ отыскивать въ принципахъ религіи человѣчества доводы для прикрытія тѣхъ звѣрскихъ инстинктовъ, которые такъ часто проявляются въ жизни людей.

Религія человѣчества не уничтожаетъ врожденнаго

стремленія къ счастію, но подчиняетъ его альтруизму и направляетъ на благо другихъ. Она оставляетъ каждому человѣку возможность испытывать удовольствіе, которое является послѣ каждаго добросовѣстно-выполненнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ она учитъ своихъ послѣдователей руководиться не личными разсчетами и влеченіями, а чувствомъ долга и самоотверженія. Она приготовляетъ ихъ къ перенесенію всякихъ лишеній во время исполненія своихъ обязанностей, т. е. во все время жизни. Потому такая религія не можетъ повести къ разочарованію и апатіи.

Отсутствіе абсолютныхъ мѣрокъ и метафизическихъ пріемовъ не позволяетъ ни одному послѣдователю религіи человѣчества дѣлить занятія на полезныя и вредныя. Мы учимся видѣть, что достоинства и недостатки, добро и зло, польза и вредъ существуютъ во всѣхъ формахъ жизни, проявляются при всѣхъ общественныхъ отправленіяхъ, и что силы нашего духа должны быть направлены на увеличеніе хорошаго у уменьшеніе злого.

Мы можемъ допустить господство внѣшнихъ обстоятельствъ надъ человѣкомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ совершенно пассивенъ, т. е. ничѣмъ не одушевленъ изнутри. Даже обыкновенныя убѣжденія придаютъ ему сильную устойчивость, а когда въ немъ горитъ религіозное чувство, то никакія обстоятельства въ мірѣ не смогутъ совратить его съ пути, который начертанъ его умомъ и совѣстью и закрѣпленъ общеніемъ съ его единовѣрцами. Вотъ почему мы стараемся по возможности сильнѣе развить свои чувства и умъ при помощи религіи и науки. Съ такими союзниками мы не боимся пасть предъ случайностями жизни и надѣемся добросовѣстно выполнять свои обязанности при всякомъ общественномъ положеніи. Если мы признаемъ заразительность зла, то въ еще большей степени при-

знаемъ заразительность добра *). Вмѣсто проповѣди бѣгства, мы слышимъ призывы человѣчества, нуждающагося въ помощи вѣрныхъ слугъ, во всѣхъ проявленіяхъ сложной жизни. Мы пріучаемся мужественно стоять на своемъ посту, увѣренные, что человѣкъ, поддерживаемый религіознымъ чувствомъ, не только не погибнетъ отъ дурныхъ вліяній, а напротивъ дурныя вліянія уступятъ передъ его нравственной мощью и если не уничтожатся вовсе, то значительно измѣнятся къ лучшему.

Мы не впадаемъ въ крайности; мы не требуемъ, чтобы человѣкъ оставался напримѣръ въ военной службѣ противъ своего желанія. Напротивъ, такой человѣкъ долженъ повиноваться своимъ симпатіямъ и перейдти къ другому занятію. Мы пріучаемся подчинять свои симпатіи безспорнымъ выводамъ науки; но во всѣхъ нерѣшенныхъ вопросахъ мы руководимся ими, т. е. симпатіями, какъ лучшими проявленіями инстинкта самосохраненія общественнаго организма. Мы вѣримъ, что пока извѣстная общественная дѣятельность необходима для жизни цѣлаго, всегда будутъ люди движимые симпатіей къ ней; и обратно — упадокъ симпатій служитъ лучшимъ указаніемъ, что дѣятельность эта отжила свое время и становится ненужною.

Позитивистъ можетъ имѣть симпатіи къ войнѣ и обязанъ, вслѣдствіе этого, всѣми силами своей души работать надъ уничтоженіемъ войны; но и тогда онъ не смѣетъ сказать, что война абсолютно вредна; онъ всегда долженъ помнить возможность такихъ обстоятельствъ, при которыхъ война становится необходимостью. Потому, когда онъ встрѣчается съ людьми, имѣющими симпатіи къ военной

*) Иначе нельзя объяснить, почему люди постепенно становятся лучше, если большинство ихъ (какъ обыкновенно полагаютъ) состоитъ изъ дурныхъ людей.

службѣ, онъ не считаетъ ихъ отверженцами, точно такъ же, какъ не считаетъ отверженцами христіанъ. Напротивъ; въ этихъ людяхъ онъ видитъ исполнителей роковой потребности общества и такихъ же слугъ государства, какъ онъ самъ, и такъ же какъ онъ нуждающихся въ поддержкѣ религіи для лучшаго выполненія своихъ обязанностей.

Хотя религія человѣчества считается почему-то исчадіемъ матеріализма, но тѣмъ не менѣе она лучше идеальнаго христіанства признаетъ независимость духа отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Она не боится поэтому давать импульсы для работы во всѣхъ общественныхъ положеніяхъ и становится такимъ образомъ руководящею силою въ практической жизни людей. Не имѣя ни выработанныхъ заранѣе схемъ, ни абсолютныхъ мѣрокъ для оцѣнки поступковъ, она даетъ намъ лучшій методъ для исправленія жизни. Она прививаетъ своимъ послѣдователямъ потребность въ общежитіи и взаимопомощи. Не осуждая прошлаго, съ уваженіемъ относясь къ формамъ настоящаго, она самымъ дѣйствительнымъ образомъ исправляетъ все, что становится съ теченіемъ времени вреднымъ или ненужнымъ и неотразимо ведетъ къ осуществленію, безо всякихъ катаклизмъ, самыхъ радикальныхъ реформъ.

Наша религія указываетъ на растущее человѣчество, говоритъ, что возможность роста обусловливается преобладаніемъ добра надъ зломъ, и тѣмъ избавляетъ насъ отъ пессимизма, этой язвы современной жизни, одинаково прививаемой и теологами (теорія грѣхопаденія) и метафизиками шопенгауеровскаго настроенія. Но говоря, что все идетъ къ лучшему, религія наша не позволяетъ людямъ сидѣть сложа руки и впадать въ оптимизмъ или фатализмъ. Она учитъ насъ, что ростъ человѣчества, какъ явленіе самое сложное, наиболѣе подверженъ измѣненію отъ

вмѣшательства человѣка. Характеръ прогресса опредѣляется совокупностью усилій всѣхъ людей и вѣрные слуги человѣчества, обязанные преодолѣвать инерцію индифферентныхъ и торможеніе эгоистовъ, не могутъ приравниваться къ усиліямъ средняго человѣка, должны гнушаться оппортунизма и напрягать въ этой священной работѣ всѣ силы своего духа, всю мощь и оригинальность своего ума.

Религія человѣчества говоритъ намъ словами великаго поэта: „Не походите на нѣмой, подгоняемый скотъ. Будьте героями въ кипящей вокругъ васъ битвѣ“, но при томъ „учитесь не только работать, но и ждать“ *). И если мы живемъ теперь лучше, мыслимъ шире, стремимся къ болѣе высокимъ идеаламъ, мы должны выразить благодарность въ самоотверженномъ служеніи этому человѣчеству, въ его настоящемъ и будущемъ, независимо отъ того, кто пожнетъ плодъ нашихъ трудовъ.

Въ заключеніе позвольте мнѣ опровергнуть мнѣнія, которыя невольно зарождаются въ душѣ человѣка, впервые знакомящагося съ религіей человѣчества. Мнѣ слишкомъ часто приходилось слышать ихъ, чтобы не представить нѣкоторыя дополнительныя разъясненія. Большинство людей, по выслушаніи сколько нибудь серьезнаго объясненія религіи человѣчества, обыкновенно отвѣчаетъ слѣдующее: „то, о чемъ вы говорите, вовсе не религія, а только очень послѣдовательная и полная философская система. Всѣ положенія ваши болѣе или менѣе остроумно выведены изъ факта, что человѣчество есть органическое существо,

*) Изъ прекраснаго стихотворенія Лонгфелло: Psalm of life.

и эти факты постигаются умомъ, безъ всякаго участія религіознаго чувства. Вашъ Богъ — тайна, навсегда закрытая для человѣка, и является какимъ-то ненужнымъ придаткомъ, вставленнымъ только для эффекта и отвода глазъ. Ученіе, пренебрегающее любовью къ Богу, не можетъ замѣнить прежнихъ религій. А потому ваша философія годна и полезна только для образованныхъ и ученыхъ людей, но она не будетъ понята народомъ и не тронетъ сердца простыхъ людей.

Такимъ образомъ религія человѣчества, по мнѣнію ея противниковъ, отличается двумя главнѣйшими недостатками: 1) Въ ней нѣтъ антропоморфнаго (человѣкоподобнаго) Бога и 2) эта религія годна для однихъ ученыхъ людей.

1) Кто внимательно прочтетъ и увидитъ, что Богъ есть тайна, которою „все сотворено“ и „все держится“, тотъ согласится, что Богъ для насъ остается такимъ же вездѣсущимъ и всепроникающимъ бытіемъ, какъ и въ другихъ религіяхъ. Мы называемъ Бога тайною, чтобы лучше запечатлѣть невозможность понять Его въ конкретныхъ формахъ или непосредственно сблизиться съ нимъ, а вовсе не для того, чтобы ослабить сознаніе нашей ничтожности передъ Необъятнымъ и Предвѣчнымъ.

Постигнуть Бога мы не считаемъ возможнымъ, но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобы позитивисты въ своемъ сознаніи дерзали бы какъ нибудь ограничивать дѣятельность Безконечной и Безграничной силы. Дѣлать подобный выводъ изъ позитивнаго убѣжденія въ непостижимости Бога такъ же невѣрно, какъ невѣрно предполагать, что если микроскопическая инфузорія не можетъ постигнуть человѣчества, то этимъ самымъ полагается предѣлъ для человѣческой дѣятельности.

Мы отказываемся навсегда отъ фамильярныхъ отношеній къ Богу, отъ непосредственныхъ сношеній съ нимъ, отъ приписыванія ему какихъ-либо человѣческихъ качествъ; но мы совершенно отрицаемъ общераспространенное мнѣніе, будто съ развитіемъ науки уменьшается значеніе Бога; напротивъ, мы видимъ въ наукѣ самое лучшее средство для постепеннаго выполненія идеи Бога во всей ея чистотѣ и мощи. Пользуясь прекраснымъ уподобленіемъ Спенсера, мы можемъ сравнить науку съ шаромъ, растущемъ въ безпредѣльномъ пространствѣ неизвѣстнаго. Какъ бы быстро ни росъ этотъ шаръ, онъ никогда не заполнитъ безконечности; но съ ростомъ шара будетъ увеличиваться его поверхность, т. е. точки его соприкосновенія съ непостижимымъ. Такимъ образомъ, сознаніе о тайнѣ, окружающей насъ со всѣхъ сторонъ, не только не уменьшается съ прогрессомъ науки, а напротивъ увеличивается.

Мало того. Прежде, когда наука въ метафизическомъ обольщеніи стремилась постигнуть сущность вещей, люди думали, что силы сцѣпленія, притяженія, электричества и другія свойства міровой энергіи вполнѣ объясняютъ явленія природы и тайна считалась какъ бы отступающею передъ наступательнымъ движеніемъ науки. Но позитивная наука ясно показала намъ, что всѣ эти силы суть только научные термины для прикрытія нашего полнаго невѣжества. При настоящемъ положеніи человѣческихъ знаній, мы ясно видимъ, что тайна не только окружаетъ науку со всѣхъ сторонъ, но и остается полнымъ владыкою такъ называемыхъ разъясненныхъ истинъ. „Въ простомъ паденіи камня мы видимъ необъяснимую тайну“, говоритъ Спенсеръ. Въ настоящее время мы можемъ повторить слова Христа, хотя и исправленныя отъ антропоморфизма: „ни

одинъ волосъ не падетъ съ нашей головы безъ участія Безконечной силы и ея законовъ".

Современная наука, отказавшись отъ познанія сущности вещей, прекратила свою вражду съ религіей. Она всегда въ своемъ окончательномъ анализѣ указываетъ на присутствіе непостижимой тайны, проявляющейся во всѣхъ явленіяхъ природы. Такимъ указаніемъ она усиливаетъ религіозное чувство.

Современная религія, отказавшись отъ обладанія непогрѣшимою истиной, прекратила свою вражду съ наукою. Она не смѣетъ говорить о любви къ Богу, такъ какъ человѣкъ можетъ любить лишь понятное ему, подобное ему по образу и качествамъ. За то она, преклоняясь передъ вездѣсущимъ проявленіемъ таинственныхъ вліяній, говоритъ о необходимости познать и повиноваться законамъ природы, и этимъ усиливаетъ уваженіе къ наукѣ какъ единственно-возможному для насъ откровенію законовъ Бога.

„Наука и религія суть близнецы-сестры", говоритъ Гексли въ одной изъ своихъ лекцій. „Наука можетъ быть сильна только въ той мѣрѣ, насколько она религіозна. Религія можетъ быть сильна только въ той мѣрѣ, насколько она не противорѣчитъ фактамъ науки".

„Всякая схема жизни, исключающая религію, никуда не годится", говоритъ Спенсеръ въ „Основныхъ началахъ" своей философіи.

„Найдти разумное удовлетвореніе религіозному чувству есть задача изъ задачъ нашего вѣка", говоритъ Тиндаль въ своей бельфастской рѣчи.

Лучшіе представители современной науки признаютъ громадную силу и значеніе религіи въ будущемъ, хотя никто изъ нихъ не признаетъ антропоморфнаго Бога. Ихъ

словами заключенъ вѣчный союзъ между религіею и наукой.

Тѣ, которые утверждаютъ, что позитивное (т. е. научное) объясненіе законовъ жизни не религія, потому только, что въ ней нѣтъ личнаго Бога—тѣ еще продолжаютъ мѣшать науку съ метафизикой; они все еще полагаютъ, что наука должна находиться во враждѣ съ религіей; они думаютъ умомъ энциклопедистовъ XVIII столѣтія.

Тѣ, которые утверждаютъ, что религія должна быть основана на непосредственномъ сближеніи съ Богомъ и на полученномъ отъ него откровеніи, тѣ грѣшатъ противъ коллективнаго ума человѣчества. Ихъ голосъ еще можетъ быть услышанъ неразвитыми массами; но ихъ пѣсня навсегда спѣта для европейской интеллигенціи.

Тѣ, которые утверждаютъ, что основной элементъ религіи есть любовь къ Богу и ужасаются, что въ религіи человѣчества нѣтъ мѣста этой любви — тѣ только повторяютъ возраженія, которыя слышались при всякой перемѣнѣ религіозныхъ формъ, такъ какъ паралельно съ такими перемѣнами, Богъ все болѣе отрѣшался отъ человѣческихъ свойствъ и дѣлался все болѣе непостижимымъ, все менѣе способнымъ вызвать чувство любви. Но, несмотря на эти возраженія, новыя религіозныя формы роковымъ образомъ смѣняли прежнія; а религіозное чувство, дѣлаясь между Богомъ и его посредникомъ, вовсе не ослабѣвало въ своей совокупности тогда и не ослабѣетъ и теперь.

Пусть поймутъ эти возражатели, что мы не можемъ любить Бога не потому, что ставимъ его слишкомъ низко, а потому, что ставимъ его слишкомъ высоко, гораздо выше прежнихъ религій. Безконечный (божественный) элементъ религіи не только не ослабѣваетъ въ нашей душѣ,

какъ думаютъ многіе, а напротивъ, очищенный отъ унизительнаго для него антропоморфизма, онъ все сильнѣе и рельефнѣе обнаруживается въ благоговѣйномъ преклоненіи передъ неисповѣдимой тайной, которою сотворена и держится вся вселенная.

Мы можемъ любить только человѣчество; въ немъ только видѣть нашего спасителя и учителя. Но эти чувства не заглушаютъ въ насъ сознаніе о силѣ, которая существовала до появленія человѣчества и будетъ существовать послѣ того, какъ человѣчество отойдетъ въ вѣчность. Въ самомъ фактѣ нашей органической зависимости отъ человѣчества мы видимъ лишь одно изъ проявленій таинственной силы; а исполняя свои обязанности относительно человѣчества, мы только наилучшимъ образомъ исполняемъ законы невѣдомаго Бога. Можно ли назвать такое ученіе не религіознымъ?

Я помню то время, когда былъ религіознымъ христіаниномъ; помню очень хорошо тѣ волны невыразимаго блаженства, которыя охватывали меня въ минуты религіознаго сосредоточенія духа на образѣ Христа. Я зналъ, что такое религіозное чувство. И теперь, когда у меня миновался періодъ невѣрія и скептицизма, я утверждаю, что сознаніе Бога, какъ неисповѣдимой тайны, и его человѣчества, какъ нашего учителя и спасителя, пробудило во мнѣ религіозный энтузіазмъ еще въ болѣе сильной степени. Говорю „въ болѣе сильной степени“ потому, что новый приливъ религіознаго чувства ничѣмъ не уступаетъ по силѣ прежнему, хотя не поддерживается ни сочувствіемъ общества, ни чарующей силою культа, обставленнаго всѣми пособіями поэзіи, искусства, музыки, чѣмъ такъ богаты старыя религіи и такъ бѣдны религіи, только что начинающія устанавливаться. Подобное же пробужденіе ре-

лигіознаго энтузіазма, въ сопровожденіи съ рѣзкою перемѣною образа жизни, я замѣчалъ и въ тѣхъ русскихъ, которые были вызваны позитивизмомъ изъ растлѣвающей среды индивидуализма.

Надѣюсь, что эти факты отнимутъ возможность говорить, будто религія человѣчества не можетъ ни въ комъ пробуждать религіозное чувство. Подобное утвержденіе было голословнымъ и прежде, а теперь, послѣ моихъ словъ, оно становится положительно невѣрнымъ.

И такъ, позитивизмъ имѣетъ полное право называться религіей человѣчества, не только по научному анализу его основныхъ положеній (все это разбиралось въ отд. I), но и по свидѣтельству людей, прошедшихъ ту степень духовнаго развитія, до которой не дошли еще наши возражатели.

2) Второе возраженіе, выдвигаемое противъ религіи человѣчества, заключается въ томъ, что она можетъ быть понята только образованными людьми.

Начнемъ съ того, что религія человѣчества, ставящая преграду необузданному разгулу эгоизма, побуждающая сильнаго помогать и защищать слабаго, проповѣдующая равенство всѣхъ людей и занятій, уничтожающая всякое присвоеніе въ собственность какъ матерьяльныхъ, такъ и духовныхъ благъ человѣчества, защищающая всякое насиліе, — что такая религія, хотя предъявляетъ значительныя требованія отъ рабочихъ, требуетъ еще большихъ жертвъ отъ привиллегированныхъ классовъ.

Желая поднять благосостояніе всего общества, она, разумѣется, направлена главнымъ образомъ на поднятіе благосостоянія рабочихъ, какъ самой многочисленной части общества. А потому рабочія массы, обойденныя и обманутыя господствующими религіями, всегда будутъ отно-

ситься симпатично къ религіи человѣчества и къ дѣятельности ея послѣдователей, хотя бы сами нуждались еще въ религіи откровенія.

Но, помимо смутныхъ симпатій со стороны теологически-настроенныхъ массъ, религія человѣчества возбуждаетъ сильный и неподдѣльный энтузіазмъ въ тѣхъ рабочихъ, которые выросли изъ теологическихъ пеленокъ и движимы альтруизмомъ, не испорченнымъ ни метафизическимъ образованіемъ, ни привиллегіями достаточныхъ классовъ. Такихъ рабочихъ уже много въ Америкѣ и Западной Европѣ; вѣроятно они есть и въ Россіи. Изъ ихъ среды выходятъ самые сильные и преданные послѣдователи новаго ученія. Всякій позитивистъ, живущій жизнью рабочаго въ ихъ средѣ, подтвердитъ мои слова, основанныя на долгомъ личномъ опытѣ. Многіе изъ числа такихъ рабочихъ идутъ теперь за соціалистами, потому что не знаютъ лучшаго исхода: поставленные въ необходимость стать или за угнетателей или за угнетенныхъ, они, слѣдуя влеченіямъ своего сердца, становятся на сторону послѣднихъ, хоти этимъ запутываютъ себя въ неисходныя противорѣчія. Но когда такой рабочій знакомится съ позитивнымъ ученіемъ, примиряющимъ его противорѣчія и стремящимся къ удовлетворенію его идеаловъ — тогда въ немъ происходитъ сильный психическій переворотъ. Онъ сразу видитъ въ религіи человѣчества „благую вѣсть“ для себя, и съ поразительною готовностью, даже предвидѣніемъ, принимаетъ всѣ ея выводы, какъ будто они были давно ему извѣстны.

Могучій образъ человѣчества наглядно показываетъ ему то, что чувствовалось прежде инстинктивно: онъ видитъ, что всѣ занятія такъ тѣсно переплетаются между собой взаимодѣйствіемъ и взаимопомощью, что нѣтъ ни-

какой возможности приписать отдѣльному лицу какую нибудь спеціальную услугу. Подметальщикъ улицъ въ Лондонѣ паравнѣ съ Гербертомъ Спенсеромъ участвуетъ въ созданіи философіи эволюціи (такъ какъ не будь перваго второй умеръ бы отъ чумы или тифа). Степень достоинства каждаго дѣятеля опредѣляется не занятіями, а добросовѣстностью, съ которою они производятся. Чѣмъ способнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ болѣе въ долгу передъ человѣчествомъ, тѣмъ менѣе расчитываетъ на особенное вознагражденіе... Подъ вліяніемъ этихъ представленій, считавшій себя прежде негоднымъ, лишнимъ существомъ, видитъ теперь великое значеніе своей жизни. Онъ излечивается отъ самоуниженія—этого нравственнаго бича бѣдныхъ; въ немъ нѣтъ болѣе зависти и ненависти раба. Онъ свободенъ! Онъ работаетъ уже не для хозяина, а для человѣчества. Сознаніе соучастія въ выработкѣ всего прекраснаго, великаго и истиннаго, пробуждаетъ въ немъ чувство человѣческаго достоинства, даетъ ему силы лучше выполнять свои обязанности, легче выносить оскорбленія и горести. Прежде онъ работалъ вяло и былъ всегда недоволенъ: теперь онъ работаетъ много и счастливъ сознаніемъ добросовѣстно выполненной жизни. Прежде онъ ожидалъ помощи со стороны и только жаловался на эгоизмъ людей, лучше его обстановленныхъ матерьяльно; теперь онъ видитъ, даже въ своей узкой сферѣ дѣятельности, людей много бѣднѣе его, нуждающихся въ его любви, совѣтахъ и защитѣ. То, что требовалось имъ отъ другихъ, становится обязательнымъ для него самого... Вся жизнь его принимаетъ совсѣмъ другой характеръ. Онъ чувствуетъ, что царство любви и справедливости, которое христіане сулятъ въ загробной жизни, а революціонеры обѣщаютъ въ далекомъ будущемъ, послѣ пролитія рѣкъ крови,

—можетъ реализироваться даже въ настоящее время. Онъ на себѣ убѣждается, что если религія человѣчества найдетъ отзывъ въ сердцахъ привиллегированныхъ людей, то несправедливости и притѣсненія прекратятся гораздо скорѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ защитники физическаго принужденія. Въ концѣ концовъ онъ видитъ въ позитивномъ ученіи самое лучшее средство для облегченія жизни всѣхъ угнетенныхъ и несчастныхъ.

Не напрасно я останавливаюсь на этой картинѣ психическихъ метаморфозъ. Всякій согласится со мной, что чѣмъ скуднѣе матерьяльная обстановка человѣка, чѣмъ менѣе въ ней удовольствій, тѣмъ крѣпче привязывается такой человѣкъ къ тому, что даетъ чистыя, облагороженныя стремленія и освѣщаетъ его непріятный уголъ чувствомъ мира и любви. И моя картина, будучи плохимъ, но фотографически вѣрнымъ снимкомъ съ дѣйствительности, лучше всего показываетъ, почему рабочіе должны крѣпче „привиллегированныхъ“ привязываться къ религіи человѣчества.

Такимъ образомъ послѣдователи религіи человѣчества изъ среды образованныхъ рабочихъ будутъ лучшею опорою позитивизма, и, вліяя не столько словами, сколько своею жизнью, будутъ невольно становиться лучшими миссіонерами въ средѣ своихъ товарищей. Подобно тому, какъ религія Христа, впервые провозгласившая равенство всѣхъ людей передъ престоломъ небеснаго отца, нашла себѣ лучшую поддержку въ поддонкахъ языческаго міра, такъ точно и религія человѣчества, прививающая къ людямъ все великое и благородное современнаго соціализма, найдетъ свою главную опору въ рабочихъ XIX столѣтія.

Совсѣмъ другое мы видимъ со стороны привиллигированныхъ классовъ. Разумѣется и тамъ находятся сильныя

натуры, способныя, во имя истины и добра, отказаться отъ своихъ привиллегій, т. е., другими словами, пользоваться ими для другихъ. Но подобные люди, вначалѣ, будутъ скорѣе исключеніемъ изъ общаго правила. Тѣ самыя черты религіи человѣчества, которыя дѣлаютъ ее симпатичною для рабочихъ, будутъ долго пугать эгоистовъ, желающихъ продлить свои привиллегіи, будутъ приводить въ недоумѣніе „ученыхъ“, чаще всего отуманенныхъ метафизическими теоріями и излишнею спекуляціей. И въ то время, какъ простые необразованные рабочіе всѣмъ сердцемъ прильнутъ къ религіи человѣчества, образованный людъ изъ привиллегированныхъ будетъ осыпать ее насмѣшками и многотомными опроверженіями.

Такъ должно быть. Люди всегда принимаютъ то или другое ученіе не подъ диктовку своего ума, а по влеченіямъ своего сердца. Положеніе это повидимому мало извѣстно нашимъ возражателямъ, полагающимъ, что религія человѣчества годна только для образованныхъ людей, но оно болѣе было извѣстно и понятно Огюсту Конту. Недаромъ нашъ учитель — напрягая для выясненія позитивныхъ философіи и религіи всѣ силы своего, безспорно величайшаго ума, созидая въ теченіе тридцати лѣтъ лучшій интеллектуальный монументъ XIX вѣка, дѣлая сводъ умственному и нравственному прогрессу Европы со временъ Бэкона — все-таки говоритъ въ концѣ своей колоссальной работы, что позитивизмъ будетъ принятъ вначалѣ не учеными и образованными людьми, а людьми наиболѣе угнетенными и обдѣленными современной жизнью: женщинами и рабочими.

Довольно; пора кончить. Я сказалъ все, что могъ для перваго раза. Не будучи увѣреннымъ въ вашей точкѣ зрѣнія, я могъ только намѣтить возможность нашихъ несогласій, хотя, въ глубинѣ души, я лелѣю надежду, что мы можемъ сойтись, и что религія человѣчества найдетъ въ васъ своего лучшаго выразителя

Прочтите внимательнѣе все написанное мною, такъ какъ, стараясь сжать все въ наименьшій объемъ, я часто ограничивался одними намеками тамъ, гдѣ слѣдовало бы писать страницы. Постарайтесь вызвать силою своего воображенія прекрасное, цѣльное и гармоническое міросозерцаніе, даваемое религіей человѣчества, и вы поймете (въ чемъ я уже убѣдился многолѣтнимъ опытомъ), что только одна эта религія можетъ очаровать и покорить индивидуалистовъ и спасти людей, болѣе другихъ нуждающихся въ поддержкѣ религіи. Присмотритесь къ ней и, если найдете въ ней пятна, опишите ихъ, но не торопитесь заключеніемъ. Быть можетъ, дальнѣйшія разъясненія и размышленія помогутъ уничтожить ихъ.

[illegible]ово дастъ вамъ желаніе отвѣ-
[illegible]ромъ моей религіи

Окажемся ли мы идущими по одной дорогѣ или сочтемъ за лучшее идти къ нашей общей цѣли различными путями — вы всегда расчитывайте на меня, какъ на глубоко-преданнаго и почитающаго васъ брата въ человѣчествѣ.

С.-Петербургъ
5 сентября (24 августа) 1885 г.
День смерти Огюста Конта.